

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКИЙ ЭКСПЕРТНЫЙ КЛУБ

**МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ**

Красноярск
СФУ
2013

УДК 332.26+330.101.54
ББК 65.049+60.59
М168

Авторский коллектив:

А. В. Усс, В. Л. Иноземцев, Е. А. Ваганов, А. З. Швиденко, В. С. Ефимов (отв. за вып.), А. В. Лаптева, П. М. Вчерашний, Н. Г. Типенко, А. Г. Коржубаев, В. А. Крюков, В. И. Нефёдкин, И. В. Семькина, А. В. Ефимов, Е. Б. Бухарова, А. Н. Токарев, В. В. Шмат, В. Е. Селиверстов, Н. В. Зубаревич, Н. Г. Шишацкий

М168 **Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития /**
А. В. Усс, В. Л. Иноземцев, Е. А. Ваганов [и др.]. – Красноярск :
Сиб. федер. ун-т, 2013. – 396 с.
ISBN 978-5-7638-2751-4

В настоящем издании представлены результаты исследований ведущих российских ученых в области регионального развития и управления социально-экономическими, экологическими и культурными процессами. Рассмотрены некоторые вопросы истории макрорегиона Сибирь, современная политическая и социально-экономическая ситуация, возможные варианты позиционирования региона в контексте глобальной экономики, предложены необходимые стратегические решения. Авторы формулируют собственное видение состояния проблем, возможности и ограничения развития Сибири и Дальнего Востока как особого макрорегиона на геополитической и геоэкономической карте мира.

Книга предназначена для специалистов в области государственного управления и регионального развития. Может быть полезна аспирантам и магистрантам, а также широкому кругу читателей.

УДК 332.26+330.101.54
ББК 65.049+60.59

ISBN 978-5-7638-2751-4

© Сибирский федеральный
университет, 2013

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

SIBERIAN EXPERT CLUB

**MACROREGION SIBERIA:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

Krasnoyarsk
SFU
2013

UDC 332.26+330.101.54
LBC 65.049+60.59
M168

A u t h o r s:

A. V. Uss, V. L. Inozemtsev, E. A. Vaganov, A. Z. Shvidenko, V. S. Efimov (responsible for the issue), A. V. Lapteva, P. M. Vcherashniy, N. G. Tipenko, A. G. Korzhubayev, V. A. Kryukov, V. I. Nefedkin, I. V. Semykina, A. V. Efimov, E. B. Bukharova, A. N. Tokarev, V. V. Shmat, V. E. Seliverstov, N. V. Zubarevich, N. G. Shishatskiy

M168 Macroregion Siberia: Problems and Prospects / A. V. Uss, V. L. Inozemtsev, E. A. Vaganov [and others]. – Krasnoyarsk : SFU, 2013. – 396 c.

ISBN 978-5-7638-2751-4

The edition presents the findings by leading Russian researchers in the field of regional development and the management of socio-economic, environmental and cultural processes. Some questions of the macroregion Siberia's history, its current political and socio-economic situation, possible alternatives for the region's positioning in the global economic environment are considered and the necessary strategic decisions are suggested.

The authors form the position and view of the situation and the possibilities and limitations of development for Siberia and the Far East as a special macroregion on the geopolitical and geo-economic map of the world.

The edition is meant for specialists in the field of regional development, young professionals and students of related disciplines and a wide range of readers

**UDC 332.26+330.101.54
LBC 65.049+60.59**

ISBN 978-5-7638-2751-4

© Siberian Federal
University, 2013

БУДУЩЕЕ ЦИРКУМПОЛЯРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕВЕРНЫХ ЭТНОСОВ

Введение

Будущее циркумполярных территорий может осмысливаться в двух различных логиках, в двух различных картинах мира.

В одной картине мира северные приполярные территории воспринимаются как «антропопустыня», население которой ограничивается малочисленными группами коренных народов и временным населением поселков промышленного освоения; будущее осмысливается в логике «освоения» – изъятия природных ресурсов, в логике экономической целесообразности, минимизации издержек на производственную и социальную инфраструктуру.

Во второй картине мира северные приполярные территории воспринимаются как особый и ценный культурный и природный мир, неотъемлемая часть человеческой цивилизации, уникальная территория, на которой взаимно «проявляются» через контакт и взаимодействие древние культуры коренных народов, культура старожильского населения народов-«освоителей», современная индустриальная и постиндустриальная цивилизация. Будущее циркумполярных территорий при этом осмысливается в логике развития, ориентированного на социальные, гуманитарные и культурные ценности. Приоритетными в этом случае становятся сохранение и рост постоянного населения данных территорий, рост качества жизни и человеческого капитала.

Важно отметить, что логика экономической целесообразности, характерная для прошедших столетий индустриального развития, выродилась в социальные установки сверхпотребления, что стало основой экономических кризисов последних десятилетий.

⁴⁸ Ефимов Валерий Сергеевич, кандидат физико-математических наук, доцент, директор Центра стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

⁴⁹ Лаптева Алла Владимировна, ведущий специалист Центра стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Исследование, представленное в данной статье, выстроено в рамках второй картины мира и логике социокультурного развития. Эта логика диктуется, с одной стороны, исторической ретроспективой и перспективой существования России как страны, нации, как экономического и культурного пространства, сохранение и развитие которого невозможно без «обживания» обширных северных и сибирских территорий. С другой стороны, она диктуется происходящими в начале третьего тысячелетия глобальными процессами: парадоксальным образом экономическая и культурная глобализация обнаружили ценность культурного разнообразия как специфического «ресурса», позволяющего многонациональным нациям занимать место лидеров в глобальном экономическом и культурном пространстве. Выявились значение ценностей национальных культур, как «экзистенциальной» основы существования человеческих обществ и отдельных индивидуумов, как условия благополучного существования народов в виде цепи сменяющих друг друга поколений.

В 2001 г. на 31-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Всеобщая декларация о культурном разнообразии, в которой утверждается, что культурное разнообразие является основой новаторства и творчества, оно так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы; лишь на этой основе возможно стабильное и мирное развитие человеческой цивилизации⁵⁰.

Ситуации воспроизводства языков и культуры коренных народов циркумполярных территорий существенно различаются, в зависимости от численности данных народов, от характера политических, социальных и культурных институтов, поддерживающих данное воспроизводство. На одном полюсе – крайне малочисленные народы (несколько сотен или немногих тысяч человек), традиционные, локальные институты которых (род, родовая община, традиционное природопользование) разрушены, а новые, надлокальные институты (национальная автономия, институты управления, изучение национального языка в школе, региональный компонент образования, система учреждений культуры, общественные организации, СМИ и др.) не созданы или не действуют эффективно. На другом полюсе – многочисленные (десятки и сотни тысяч человек) народы, воспроизводство языков и культур которых поддерживается политическими институтами (национальная республика), деятельностью системы образования, учреждений культуры, СМИ.

⁵⁰ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml.

Цель данной статьи – охарактеризовать ситуацию воспроизводства языков и культуры коренных народов, обозначить существующие в данной сфере проблемы, с учетом наличия этих «полюсов» и с привлечением эмпирических данных.

В статье представлены: 1) модели процессов воспроизводства коренных этносов как систем; 2) эмпирические данные о воспроизводстве языков и культур различных народов – коренных малочисленных народов севера Красноярского края, сравнительно многочисленного народа саха на территории Республики Саха (Якутия).

1. Северные народы Российской Федерации: общая характеристика современной ситуации

В течение XX столетия коренные народы севера и северо-востока РФ подвергались воздействию индустриальной цивилизации, что выразилось в переселении их представителей в города и поселки городского типа, вовлечении в различные виды труда вне традиционного хозяйства, распространении привнесенной культуры. В конце XX – начале XXI столетия возникло дополнительное «западное цивилизационное давление» по информационным каналам – телевидение, Интернет и др., включающее трансляцию ценностей, стилей жизни «общества потребления». Одновременно часть представителей коренных народов стала вовлекаться в постиндустриальные виды деятельности (в областях управления, услуг, СМИ и т. д.).

В перспективе ближайших десятилетий стратегии и проекты деятельности Правительства РФ, деятельности крупных компаний предполагают промышленное освоение природных ресурсов северных территорий: разработку месторождений на арктическом шельфе, на континентальной части российского Севера, развитие Северного морского пути и железнодорожных сообщений, прокладку нефте- и газопроводов и др. Тем самым возникнут дополнительные риски для сохранения и развития коренных народов – риски «сворачивания» форм хозяйствования, характерных для северных народов, присущих им форм социальной организации, национальной культуры.

Без выстраивания специальной культурной политики может произойти утрата этнической идентичности молодежью, ее «отрыв» от национальной культуры – утрата языка, этноспецифичных форм общения и поведения, национальных ценностей.

На Международной конференции, проходившей в Якутске в 2008 г., уже обсуждались риски исчезновения миноритарных языков: в России из 105 используемых языков исчезло 3 языка; в США из 238 языков исчезли

76 и 67 находятся на грани исчезновения, причем исчезновение языка может происходить достаточно быстро, на масштабе 3–4 поколений⁵¹.

Ряд эмпирических исследований показывает, что интенсивное промышленное освоение северных регионов в последние 20–30 лет приводит к ускоренной утрате национальных языков и культуры коренных народов. Так, А. А. Дрегалю и В. И. Ульяновский⁵² приводят данные о ненецком этносе, регионы проживания которого стали территорией добычи углеводородного сырья. В конце 1990-х гг. использовали ненецкий язык в домашнем общении всего 21 % сельских жителей, представителей ненецкого народа, 12 % горожан; на работе общались на ненецком языке 18 % сельчан и 3 % горожан; собирались учить своих детей ненецкому языку 48 % ненцев, проживающих в селах, 15 % горожан. Среди ненцев, проживающих в Ненецком автономном округе, 80 % опрошенных не читали художественную литературу на ненецком языке, 70 % – газет, 74 % не смотрели телепередачи и 44 % не слушали радио на родном языке. Свыше половины респондентов (52 % в городе и 54 % в поселках) опасались окончательно потерять национальные традиции, ассимилироваться, принять ценности другой культуры. Аналогичные изменения отмечают Д. Г. Брагина, У. А. Винокурова, исследовавшие представителей народа саха (якутов)⁵³.

2. Модели воспроизводства коренного этноса

Сложность управления процессами сохранения культуры и языка связана с необходимостью работы на больших масштабах времени (30–50 и более лет), необходимостью прогнозирования экономических и социально-культурных процессов, с предельной сложностью самого «предмета сохранения» – культуры и языка.

⁵¹ См.: Монтвиллов В. М. Интернет и языковое многообразие: возможно ли это? // Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве : сб. материалов междунар. конф., Якутск, 2–4 июля 2008 г. / сост.: Е. И. Кузьмин, Е. В. Плыс. М.: МЦБС, 2010. С. 69–81; Мурадова А. Р. Как исчезают языки и как их возрождают // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт: сб. аналит. материалов / сост.: Е. И. Кузьмин, Е. В. Плыс. М.: МЦБС, 2008. С. 70–75.

⁵² Дрегалю А. А., Ульяновский В. И. Европейские ненцы: адаптивные возможности и эволюционная пластичность // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 69–77.

⁵³ См.: Брагина, Д. Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Брагина Дарья Григорьевна. Новосибирск, 2003. 333 с.; Винокурова, У. А. Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1992. 144 с.

На схеме (рис. 1) представлена модель воспроизводства коренных этносов в современной ситуации, когда этнос «открыт» масштабным инкультурным и иноцивилизационным влияниям. В модели различены процессы воспроизводства важнейших компонент этноса как системы:

1) процессы демографического воспроизводства (на схеме расположены «в основании», так как воспроизводство народонаселения является *condicio sin qua non* воспроизводства этноса);

2) процессы воспроизводства форм хозяйствования, воспроизводства экономики, технологий (то есть хозяйственно-экономической основы существования этноса);

3) процессы воспроизводства общественных отношений и социальных институтов (локальных и надлокальных институтов);

4) процессы воспроизводства духовной культуры – ценностей, норм, традиций, ментальности, этнической картины мира.

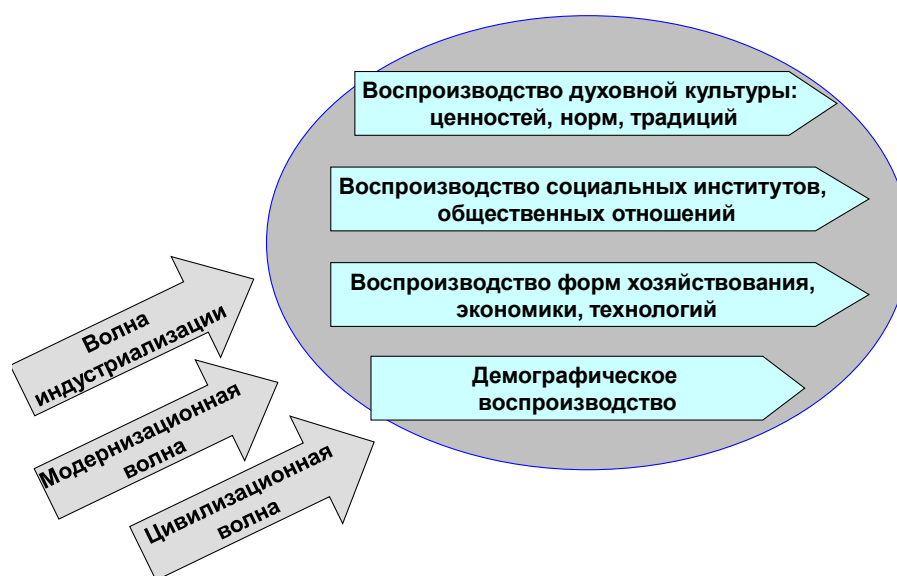

Рис. 1. Модель воспроизводства коренного этноса в условиях «цивилизационного давления»

Также схема отражает три основных «волны» внешнего иноцивилизационного воздействия, которые в будущем могут существенно повлиять на процессы воспроизводства коренных народов, изменить или деформировать, а в предельном варианте блокировать воспроизводство:

1) волна новой индустриализации – активность крупных компаний, в основном ресурсодобывающих, которая будет влиять на экологические условия жизни коренных народов, на характер их трудовой деятельности, уровень доходов, масштабы и направленность миграционных процессов, характер и распространенность медико-социальных проблем, а в конечном итоге (хотя и косвенно) – на мировоззрение, ценностные установки пред-

ставителей коренных народов, степень их приверженности национальной культуре;

2) модернизационная волна – инновационно-технологические проекты Правительства РФ и бизнеса, с разворачиванием новых производств и услуг, в том числе характерных для постиндустриальной фазы; данная волна повлияет на степень вовлечения представителей коренных народов в различные хозяйственно-экономические уклады (традиционный, индустриальный, постиндустриальный), уровень доходов, уровень предпринимательской активности, уровень урбанизации, может усилить внутренние миграции (по линии «село – поселок – город»), вызвать изменения социальной структуры общества, увеличить культурно-психологическую дистанцию между поколениями, в итоге же произойдут существенные «сдвиги» в духовной культуре коренных народов;

3) «западная» цивилизационная волна – культурная экспансия глобальных субъектов (США и ЕС), которая будет усиливаться по мере развития медийных и телекоммуникационных технологий, а также гуманитарных технологий постмодерна; данная экспансия может привести к разрушению культуры коренных народов, «разрыву» между поколениями, распаду или деформации характерных для коренных народов социальных институтов.

В научной литературе, а в особенности в публицистической, в политической риторике достаточно распространено представление о том, что «собственным» для коренных народов является традиционный уклад хозяйства и социальной жизни; индустриальный же и постиндустриальный уклад являются «чужими» и даже враждебными, и если отдельные индивиды или группы вовлекаются в индустриальный или постиндустриальный уклад, они неизбежно (раньше или позднее) потеряют связь с родной культурой, утратят ментальные и поведенческие особенности, характерные для своего этноса и будут ассимилированы другим, доминирующим народом.

Данное представление и связанная с ним практическая позиция приводят, если придерживаться их последовательно и до конца, к изоляционизму народа, консервации его жизнедеятельности и в конечном итоге к вытеснению другими, более активными и «инновационно настроенными» народами.

Однако пример ряда народов восточной и юго-восточной Азии (в первую очередь, японского народа) показывает, что народ может осваивать («делать своим», строить на собственной культурной основе) индустриальный и постиндустриальный уклад, сохраняя при этом национальную самобытность, национальную культуру, причем быть конкурентоспособным именно за счет культурной специфики своей индустрии или постиндустриальной экономики. Вопрос о том, могут ли следовать данному образцу другие народы, менее «мощные» в демографическом, экономиче-

ском и политическом планах, является дискуссионным. Появившаяся в последние годы в публицистике и политической риторике идея формирования циркумполярной цивилизации может иметь позитивный смысл как проект усиления коренных народов севера за счет консолидации, так как для малочисленных народов, очевидно, перспектива «в одиночку» построить собственную версию индустриального или постиндустриального уклада совершенно нереалистична.

Наиболее многочисленные народы Севера, например, народ саха (якуты) фактически являются включенными и в традиционный, и в индустриальный, и в постиндустриальный уклады, при этом сохраняя (хотя и с определенными потерями) национальный язык, национальную культуру. О факторах такой сравнительно большой устойчивости якутского этноса можно в настоящее время говорить лишь в виде предположений; например, указывать на родственные связи, соединяющие людей, вовлеченных в разные уклады; на то, что жители городов в большинстве своем уроженцы сел; на существование национальной политической, научной, инженерной, культурной элиты и т. д. Данные факторы могут быть предметом исследований.

Процессы воспроизводства подобного этноса, многочисленного и сложного по составу (с точки зрения включенности людей в различные социально-экономические уклады), отражаются более сложной моделью (рис. 2). Это модель воспроизводства этноса как многоукладной системы. Она постулирует, что индустриальный и постиндустриальный уклады являются для этноса «собственными», «освоенными»; этот постулат имеет не столько констатирующий, сколько проектный характер – он должен зафиксировать принципиальную установку на освоение различных укладов, их «реконструкцию» этносом на собственной культурной основе. В данной модели индустриальный и постиндустриальный уклады изображаются как существующие внутри этноса, как уклады жизни и деятельности групп самого этноса, а не как внешние, влияющие на этнос «силы».

Соответственно, процессы воспроизводства этноса, представленные на рис. 1, на рис. 2 «расслоены» по укладам. Иными словами, входящие в этнос группы, живущие и действующие в доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном укладе, воспроизводятся, и можно выделить для каждой из групп процессы демографического воспроизводства, хозяйственно-экономического воспроизводства, воспроизводства общества и социальных институтов, воспроизводства духовной культуры. Между укладами (точнее, группами, которые живут в данных укладах) есть связи и процессы обмена (обозначены изогнутыми стрелками на схеме). В простейшем случае «связь и обмен» состоят в том, что отдельные люди покидают один уклад и включаются в другой или же «живут на границах», посвящая часть времени своей жизни активности в формах одного уклада, а

другую часть времени – активности в формах другого уклада. В более сложных случаях происходит перенос норм общения и взаимодействия людей, способов деятельности, смыслов и ценностей из одного уклада в другой. Прямые стрелки в левой части схемы обозначают влияния на группы, живущие в различных укладах, со стороны внешних по отношению к этносу систем (ими могут быть другие этносы, корпоративные структуры, политические институты и др.).

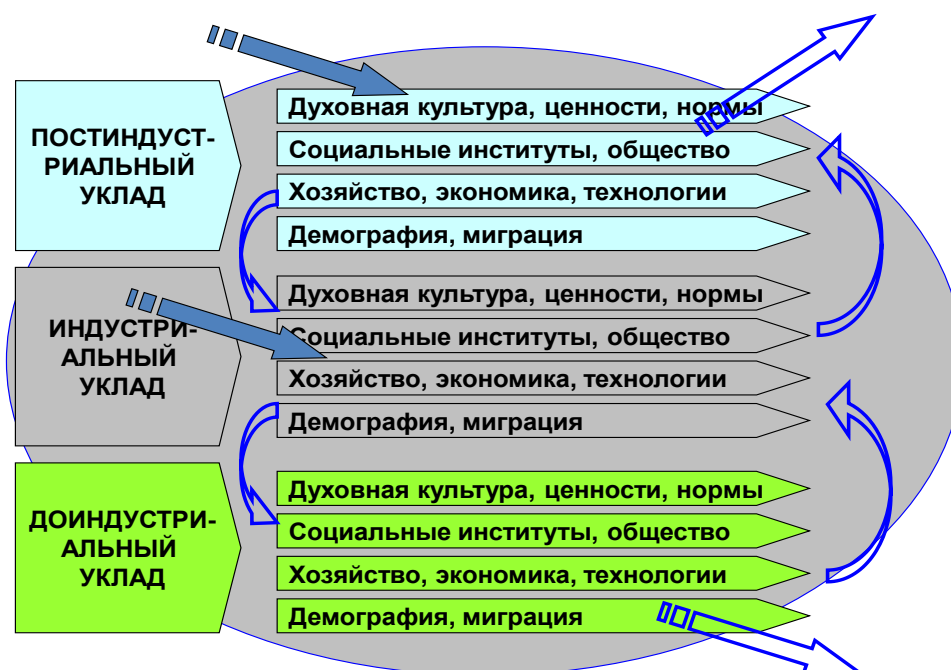

Рис. 2. Модель воспроизводства коренного этноса как многоукладной системы

Представляется, что данная модель, с одной стороны, адекватно отражает сложную действительность существования такого этноса, как якутский, а с другой – обладает проектным и стратегическим потенциалом, позволяет не ограничиваться консервативными и «защитными» стратегиями, активно позиционировать якутский и другие коренные народы Республики Саха (Якутия) в качестве полноправных участников современных процессов экономического, технологического, социального, культурного развития.

Принятие данной модели означает постановку целого ряда новых исследовательских задач. Необходимо выявить картину включенности представителей якутского народа в различные уклады (установить количественные и качественные аспекты этой включенности). Необходимо установить специфику демографического воспроизводства, хозяйственной деятельности, воспроизводства характерных для коренных этносов социальных институтов (а также развития других, «нетрадиционных» институтов), воспроизводства духовной культуры (картины мира, ценностей, менталь-

ности), воспроизводства языка в рамках каждого уклада. Констатирующие исследования должны сочетаться с проектированием, например, решить, что значит «сохранение культуры» коренных народов при их многоукладном существовании и развитии можно лишь в проектном залоге.

3. Контексты и задачи эмпирического исследования воспроизводства языков и культуры коренных народов Севера

Эмпирическое исследование – социологический опрос представителей коренных народов севера выстроено с учетом следующих контекстов.

А) Включенность респондентов в уклады – традиционный, индустриальный, постиндустриальный

Задачи эмпирического исследования (социологического опроса) формулируются на основе предположения о том, что коренные народы северных регионов РФ в течение XX–XXI столетий «втянуты» в процессы последовательной смены цивилизационных укладов (комплексов, включающих соответствующие формы хозяйственно-экономической деятельности, культурной и социальной жизни). Коренные народы сформировались и существовали длительное время в рамках традиционного уклада, их формы хозяйства, культурной и общественной жизни, язык и ментальность органическим образом были включены в традиционный уклад. В XX столетии на территориях проживания коренных народов были развернуты производства, деятельность культурных и образовательных учреждений, соответствующих индустриальному укладу. Часть представителей коренных народов включилась в трудовую деятельность, получила образование, приняла культуру индустриального уклада. При этом для различных индивидов и групп были возможны как сохранение связей с традиционным укладом, так и полный «отрыв» от него. В последнем случае были возможны как утрата национальной идентичности, языка, культуры, так и сохранение их в преобразованной форме. Иными словами, индивиды и группы могли быть ассимилированы «привнесенной» культурой либо могли сами присвоить элементы «пришедшей» хозяйственной и культурной действительности, сохранив собственную национальную и культурную идентичность и самобытность. В XXI столетии начинают разворачиваться аналогичные процессы взаимодействия культур на новом уровне – постиндустриального уклада.

Представляет интерес сопоставление респондентов, включенных в разные уклады, с точки зрения их приверженности национальной культуре, сохранению языка, национальной идентичности и других важных особенностей.

Б) Поколенческая динамика

Реконструкция процессов, происходящих при взаимодействии укладов (вытеснение, «наслаивание» и т. д.) возможна за счет сопоставления ответов респондентов, которые относятся к самим респондентам, к их родителям, а также к их детям (уже рожденным или предполагаемым).

Например, задавая вопросы: на каком языке, обсуждаете Вы личные и домашние дела? На каком языке обсуждали Ваши родители? На каком языке обсуждают личные и домашние дела Ваши дети? – можно реконструировать динамику сохранения национального языка в качестве средства повседневного общения на масштабе трех поколений.

Также важно исследовать более тонкую структуру возрастных изменений, которая позволяет выделить локальные изменения в ценностных предпочтениях, жизненных ожиданиях и целевых установках различных возрастных групп. Для этого специально исследовались изменения в представлениях респондентов в следующих возрастных группах: 18–19 лет; 20–29 лет; 30–39 лет; 40–49 лет; 50–59 лет; более 60 лет.

В) Представления о должном, мотивы и намерения

Важными данными для прогнозирования процессов воспроизводства этносов в будущем являются данные о мотивах и планах респондентов в различных сферах их жизни.

Например, будущее языков коренных народов существенно зависит от того, намерены ли представители этих народов обучать своих детей говорить на родном языке. Не менее важно то, каким образом представители коренных народов представляют себе будущее традиционной культуры – будет ли она сохраняться и адаптироваться к новым условиям или будет вытеснена культурой других, доминирующих народов. Также представляет интерес, как мыслят представители коренных народов место жительства в будущем – собственное и своих детей, сохраняется или исчезает их «привязанность к родной земле».

Соответственно, формулируются задачи данного исследования (опроса представителей коренных народов Севера). Необходимо определить следующее.

В отношении языков коренных народов:

- какой язык считают родным респонденты;
- насколько свободно владеют респонденты национальными языками;
- в какой мере респонденты используют национальные языки как средство повседневного общения;
- каков предпочитаемый респондентами язык массовых коммуникаций (газет, журналов, телевидения и др.);
- каков язык внутренней речи и мышления респондентов (язык, на котором им «удобно думать»);
- намерены ли респонденты обучать своих детей говорить на национальном языке.

В отношении культуры коренных народов:

- как много места занимают в жизни респондентов, как много значат для них разные компоненты национальной культуры;
- каким предполагают респонденты будущее традиционной культуры (сохранение, ассимиляция, синтез культур).

Для прогнозирования процессов воспроизводства языка и культуры необходимо сопоставить ответы представителей разных возрастных групп, а также респондентов, включенных в разные социально-экономические уклады – традиционный, индустриальный, постиндустриальный (сервисный и когнитивный).

В отношении процессов урбанизации и мобильности населения:

- в каком населенном пункте (село, поселок городского типа, город) проживает респондент, проживают его родители и дети;
- каковы планы респондента относительно собственного места жительства и места жительства детей (остаться в регионе проживания, жить в разных регионах России, уехать временно или на постоянное место жительства в другую страну и т. д.).

В число задач исследования входит экстраполяция – «продление» обнаруженных тенденций воспроизводства языка, процессов урбанизации и др.

4. Результаты социологического опроса представителей коренных народов Севера

В октябре 2011 г. был осуществлен комплексный социологический опрос в 16 районах Республики Саха (Якутия)⁵⁴ с использованием многоступенчатой типологической квотной стратификационной выборки. Были опрошены 1982 респондента – представители народа саха и коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия).

В данной статье анализируются результаты опроса для подвыборки, включающей представителей народа саха. Для проведения анализа результатов опроса и выявления динамики сохранения языка и культуры во времени (от поколения к поколению) были выделены шесть возрастных групп респондентов: 18–19 лет; 20–29 лет; 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, более 60 лет. Выборка составлялась таким образом, чтобы распределение респондентов по возрасту и полу в ней соответствовало половозрастной структуре генеральной совокупности. Полученная выборка высоко репрезентативна в данном отношении.

⁵⁴ Авторы выражают благодарность группе исследователей Северо-Восточного федерального университета под руководством У. С. Борисовой, которая провела полевою часть социологического опроса представителей коренных народов Республики Саха (Якутия).

В 2010 г. был проведен пилотный социологический опрос представителей четырех коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края, – эвенков, селькупов, кето, чулымцев. Число опрошенных составило 298 человек, проживающих на северных территориях Красноярского края (11 сельских поселений и поселков)⁵⁵. В структуре выборки были представлены следующие возрастные группы: 20–39 лет; 40–59 лет; 60–80 лет.

4.1. Сохранение национального языка и культуры народом саха (по данным социологического опроса)

В данной статье мы приведем данные социологического опроса, наиболее важные для понимания процессов сохранения национального языка и культуры. Это данные о том: 1) какие доли представителей саха считают родным якутский язык; 2) какова степень владения якутским языком респондентов; 3) какой язык респонденты используют в качестве языка повседневного общения; 4) какой язык является для респондентов языком мышления и внутренней речи («на каком языке думают»); 5) намерены ли респонденты обучать своих детей говорить на национальном языке; 6) к каким элементам национальной культуры респонденты чаще всего обращаются; 7) оценка респондентами – как много места в их жизни занимают и как много значат для них различные аспекты национальной культуры; 8) оценка респондентами перспектив существования традиционной культуры (ее сохранения, трансформации или исчезновения); 9) типы населенных пунктов, в которых проживают респонденты, их родители, их дети – село, поселок городского типа, город; 10) планы респондентов относительно места жительства, ожидаемое место жительства детей респондента.

При этом сопоставлены данные опроса для разных возрастных групп, а также групп респондентов, включенных в разные уклады. Включенность респондентов в различные уклады определялась по сфере их трудовой деятельности⁵⁶. По части вопросов проведен анализ ответов респондентов о самих себе, собственных родителях и детях. Тем самым оказыва-

⁵⁵ Авторы выражают благодарность группе исследователей Сибирского федерального университета под руководством Н. П. Копцевой и Е. А. Ноздренко, которая провела полевую часть работ данного социологического опроса.

⁵⁶ 1) Традиционный уклад – традиционные промыслы (рыболовство, охота), сельское хозяйство (животноводство и оленеводство); 2) Индустриальный уклад – промышленность, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство; 3) Сервисный уклад – образование, торговля и общественное питание, информационно-вычислительное обслуживание, бытовое обслуживание, транспорт и связь, здравоохранение; 4) Когнитивный уклад – культура и искусство, наука и научное обслуживание, финансы/кредит/страхование, аппарат органов управления.

ется возможным судить о временной (поколенческой) динамике сохранения языка, о влиянии на сохранение языка и культуры процессов «перетока» представителей саха из традиционного уклада в индустриальный и постиндустриальный (сервисный и когнитивный).

4.1.1. Перспективы сохранения якутского языка народом саха

О перспективах сохранения или утраты якутского языка народом саха можно судить, сопоставляя доли людей, которые считают его родным, в разных возрастных группах (рис. 3).

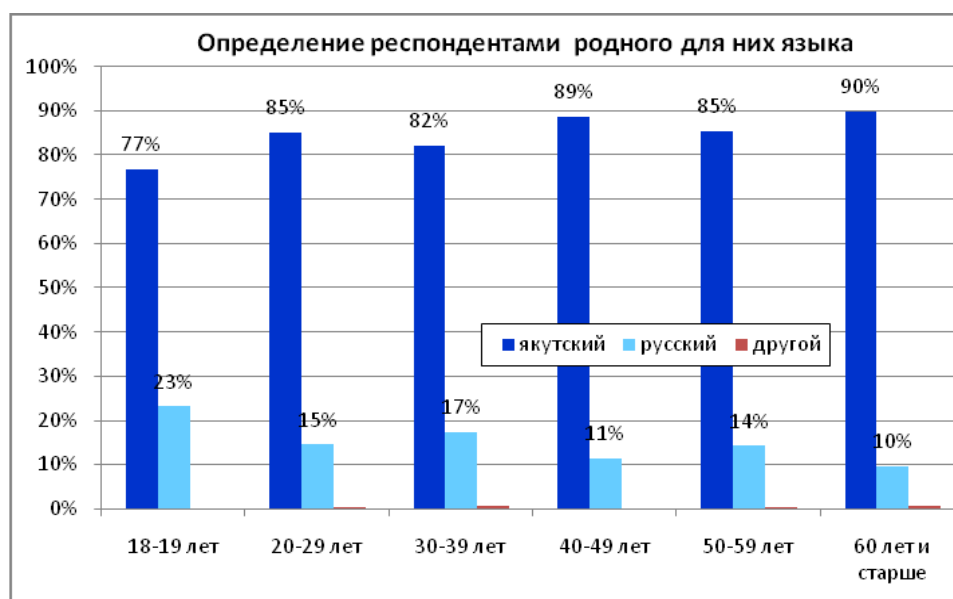

Рис. 3. Определение родного языка респондентами разных возрастов

Подавляющее большинство респондентов (от 77 до 90 %) во всех возрастных группах считает родным якутский язык, однако прослеживается тенденция: чем моложе респонденты, тем меньшая их доля указывает на якутский язык как родной, соответственно, чем моложе респонденты, тем большая их доля считает родным русский язык.

По данным опроса, практически не прослеживается влияние включенности респондентов в различные уклады на определение ими родного языка (рис. 4).

Таким образом, сам по себе «переток» населения из традиционного в индустриальный, сервисный, когнитивный уклады не приводит к значительному снижению числа людей, для которых родным является якутский язык. Однако смена поколений, которая «накладывается» на процесс смены укладов, несет риски, поскольку, как показано выше, среди более молодых респондентов меньше доля тех, кто считает родным якутский язык; кроме того, как будет показано далее, среди молодых респондентов существенно ниже доля тех, кто свободно владеет якутским языком.

Зависимость степени владения якутским языком от возраста респондента четко прослеживается по данным опроса, представленным диаграммой на рис. 5.

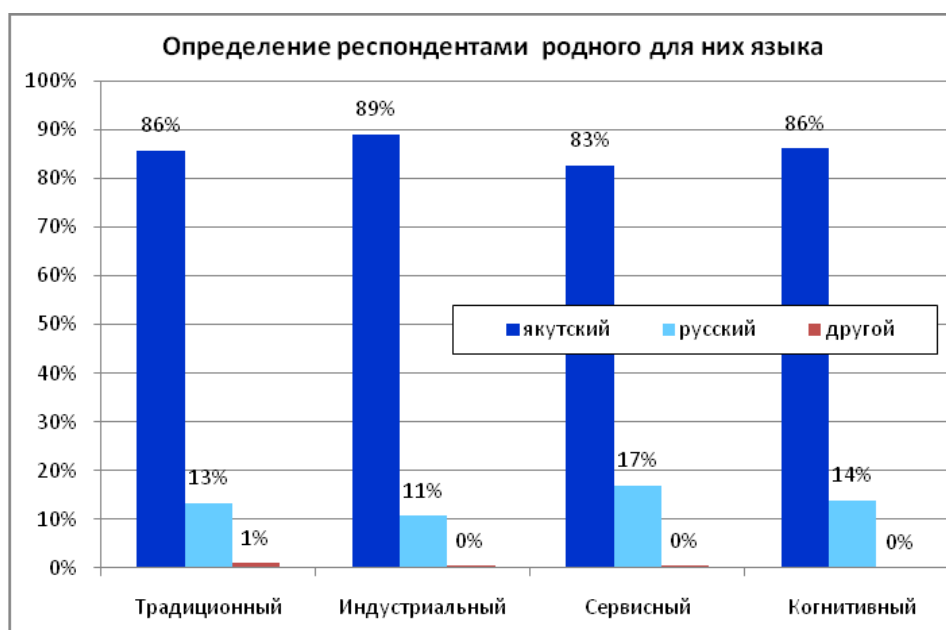

Рис. 4. Определение родного языка респондентами, включенными в различные уклады

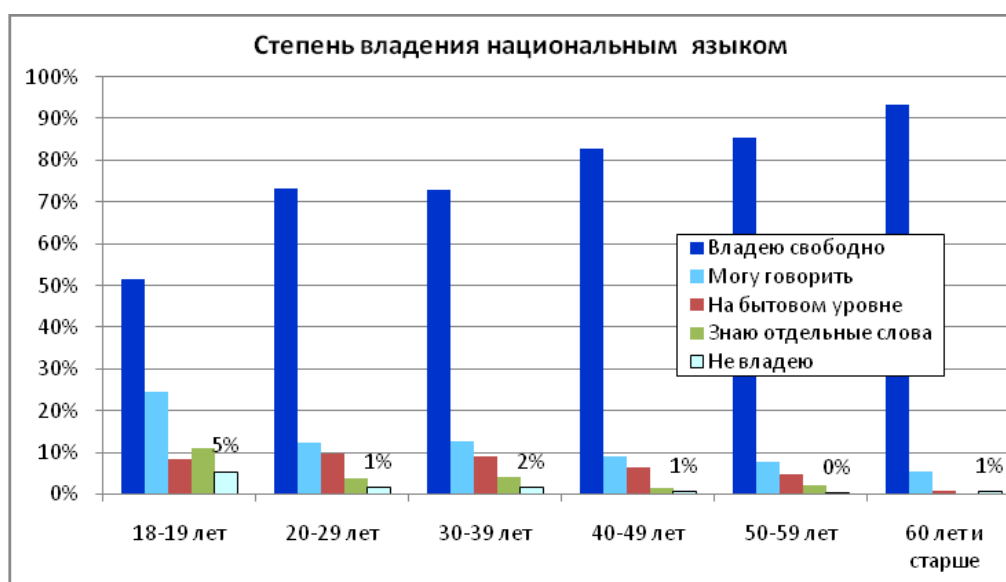

Рис. 5. Степень владения якутским языком респондентами в различных возрастных группах

Во всех возрастных группах более 50 % респондентов свободно владеют якутским языком, однако чем моложе респонденты, тем меньшая их

доля владеет языком свободно. Наименьшая доля свободно владеющих якутским языком среди 18–19-летних – 51 %. Второй по частоте ответ – «могу говорить на родном языке». Данный ответ, свидетельствующий о том, что язык освоен, но степень владения им снижена (по сравнению со свободным владением), чаще всего дают наиболее молодые респонденты. Среди молодых респондентов больше тех, кто владеет языком «на бытовом уровне» или «знает отдельные слова». Не владеющих якутским языком очень мало или нет среди респондентов старше 40 лет, очень мало среди респондентов в возрасте от 20 до 39 лет (1–2 %), заметно больше среди респондентов в возрасте 18–19 лет – 5 %.

На рис. 6 отражены данные о владении якутским языком респондентами, включенными в разные уклады. В группах респондентов, включенных в традиционный и индустриальный уклады, свободно владеющих якутским языком по 81 %, в группах, включенных в сервисный и когнитивный уклады, несколько меньше – 78 %. Данные опроса показывают, что включенные в различные социально-экономические уклады по степени владения национальным языком различаются незначительно.

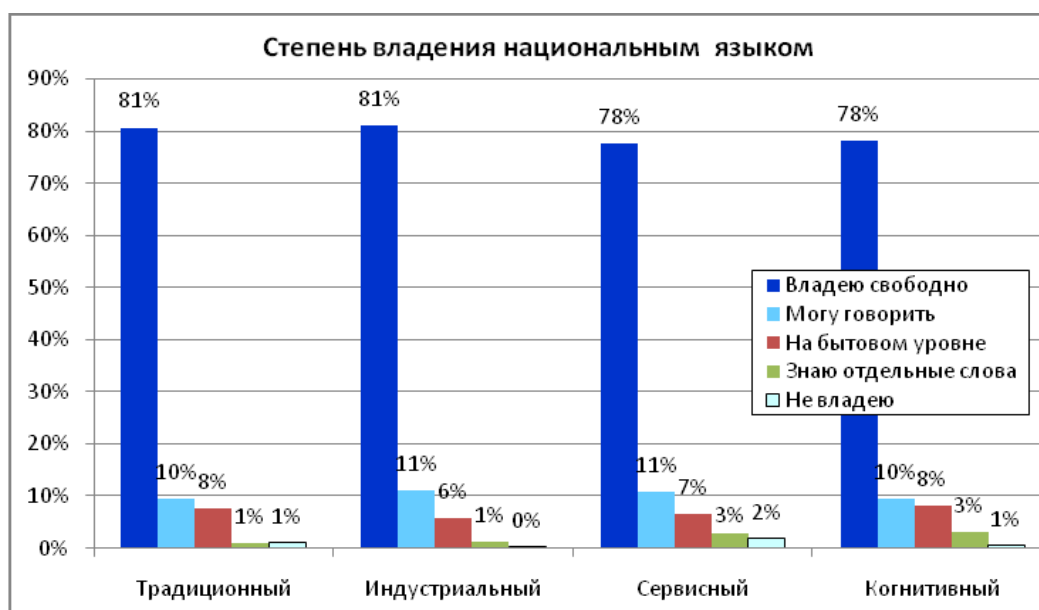

Рис. 6. Степень владения якутским языком респондентами, включенными в различные уклады

Не менее важно, чем владение национальным языком, использование этого языка в повседневной жизни. Если люди способны свободно говорить на национальном языке, но обсуждают повседневные дела на другом языке, то родной язык постепенно утрачивает качество «живого» языка и превращается в язык, используемый лишь в особых случаях и контекстах (аналогом может служить превращение латыни из живого языка сначала в

язык научных диспутов, а затем в язык, который используется лишь в богослужении и в некоторых научных дисциплинах – анатомии, систематике живых организмов).

Для оценки рисков вытеснения якутского языка из повседневного общения было проведено сравнение долей респондентов, которые обсуждают домашние и личные дела со своими супругами на якутском языке, в группах респондентов различных возрастов, включенных в различные уклады – традиционный, индустриальный, постиндустриальный (сервисный и когнитивный). Каждый раз для выделенных групп определялось, на основе данных опроса, какая доля родителей респондентов и детей респондентов обсуждают свои личные дела на якутском языке; тем самым была получена информация для выявления поколенческой динамики использования якутского языка в повседневной жизни.

На рис. 7 показано, какая доля респондентов обсуждает домашние и личные дела со своими супругами на родном языке в каждой возрастной группе. Возрастная группа респондентов 18–19 лет исключена из анализа, так как очень немногие респонденты в этой группе женаты или замужем, а также имеют детей (следовательно, немногие могли ответить на вопрос о себе и о своих детях). Также показано, какая доля респондентов в каждой возрастной группе ответила о своих родителях и своих детях, что они обсуждают домашние и личные дела на якутском языке.

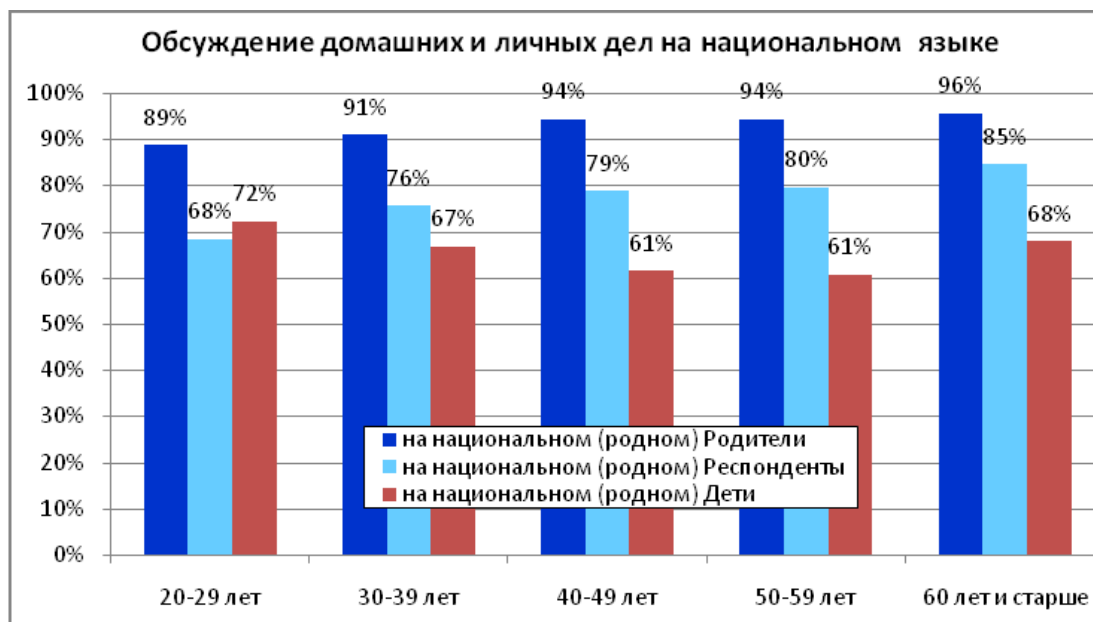

Рис. 7. Различия в использовании якутского языка как языка повседневного общения между группами респондентов разных возрастов

Чем моложе респонденты, тем меньшая их доля обсуждает домашние и личные дела со своими супругами на родном языке: 85 % в группе

60 лет и старше, 80 % в группе 50–59-летних, 79 % в группе 40–49-летних, 76 % в группе 30–39-летних, 68 % в группе 20–29-летних.

Для всех возрастных групп наблюдается закономерность: доля респондентов, обсуждающих личные дела на якутском языке, меньше, чем доля родителей респондентов, использующих родной язык в повседневной жизни. Данный разрыв минимален для самых старших респондентов, 60 лет и старше – доля респондентов меньше доли их родителей на 11 %; он максимален для респондентов в возрасте 20–29 лет и составляет 21 %.

Для всех возрастных групп, кроме группы 20–29-летних, наблюдается закономерность: доля детей респондентов, обсуждающих домашние и личные дела на якутском языке, меньше, чем доля самих респондентов. При этом величина «разрыва» больше для старших групп респондентов (40 лет и старше) – 17–19 %, но меньше в более молодых группах – 9 % для группы 30–39-летних, а для группы 20–29-летних ситуация особая: доля детей респондентов, использующих якутский язык в повседневной жизни, несколько больше, чем доля самих респондентов (72 и 68 % соответственно).

Приведенные данные говорят о том, что существует значительный риск «вытеснения» якутского языка как языка повседневного общения русским языком: в каждом последующем поколении саха использует родной язык в повседневной жизни на 10–20 % меньше людей, чем в предыдущем поколении. Возможно, в последние 10–20 лет этот процесс замедлился – разрыв между долями респондентов и их детей, говорящих в быту на якутском языке, минимален в группах 20–29-летних и 30–39 летних респондентов. Это может говорить об определенной действенности политики поддержки национального языка и культуры.

На диаграмме (рис. 8) показаны доли респондентов, использующих якутский язык в повседневной жизни, в группах, выделенных по включенности в уклады; также показаны доли ответов о том, что на якутском языке общаются в повседневной жизни родители и дети респондентов.

Если респонденты включены в традиционный уклад, то наибольшая их доля использует в жизни якутский язык – 84 %; при этом «разрыв» между долями респондентов, их родителей, их детей, использующих якутский язык в повседневном общении, есть, но меньше, чем в других группах.

Наиболее велики «разрывы» между поколениями, если респонденты включены в индустриальный уклад: 19 % между респондентами и их родителями и 14 % между респондентами и их детьми. Возможно, это связано с тем, что индустриальное производство в республике сконцентрировано в индустриальных городах и поселках, в которых высока доля населения других национальностей – русских и др., русский язык используется как язык общения на производстве, что, по-видимому, влияет и на язык повседневного общения внутри семей, даже если оба супруга по национальности являются саха.

В группе респондентов, включенных в сервисный уклад, обнаруживается сравнительно малый «разрыв» между долями родителей и детей, общающихся на якутском языке в повседневной жизни; однако доля самих респондентов, использующих якутский язык, меньше, чем в других группах (71 %).

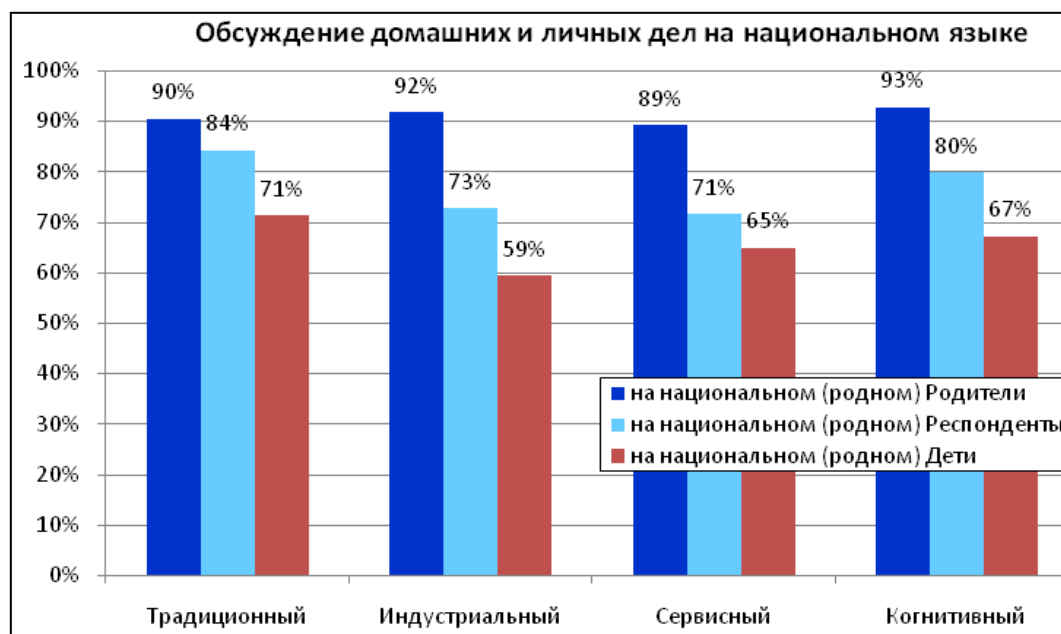

Рис. 8. Межпоколенческие различия использования якутского языка как языка повседневного общения (определены для групп респондентов, включенных в различные уклады)

Сравнительно «благополучной», с точки зрения сохранения якутского языка как «живого» языка общения является группа включенных в когнитивный уклад: 80 % респондентов использует в жизни якутский язык, у 67 % респондентов их дети говорят «в быту» на якутском языке.

Отдельный вопрос: каков язык массовых коммуникаций, предпочитаемый представителями народа саха, иными словами, на каком языке они читают газеты и журналы, художественную литературу, смотрят телепередачи. Один из вопросов опросного листа предлагал респондентам оценить, как часто они читают газеты, журналы, художественную литературу на родном языке. В среднем по выборке 35 % респондентов делают это часто, 46 % – редко, 18 % – не читают на родном языке, оставшиеся 2 % затруднились дать ответ (см. диаграмму на рис. 9).

При сравнении ответов респондентов из разных возрастных групп наблюдается следующая закономерность: чем моложе респонденты, тем меньше доля тех, кто часто читает газеты, журналы, художественную литературу на якутском языке: среди респондентов в возрасте 60 лет и старше – 65 %, среди 50–59-летних – 53 %, 40–49-летних – 43 %, 30–39-летних –

27 %, 20–29-летних – 13 %, среди 18–19-летних – 11 %. Среди молодых респондентов сравнительно велика доля тех, кто вообще не читает газеты и журналы на якутском языке: 18–19 лет – 30 %, 20–29 лет – 29 %; для сравнения: 50–59 лет – 6 %, 60 лет и старше – 6 %.

В ходе опроса респонденты отвечали на вопрос о том, как часто они смотрят телевизионные передачи на родном языке. В среднем по выборке 44 % респондентов делают это часто, 48 % – редко, 7 % не смотрят телевизионные передачи на родном языке, 1 % затруднились ответить (см. диаграмму на рис. 10).

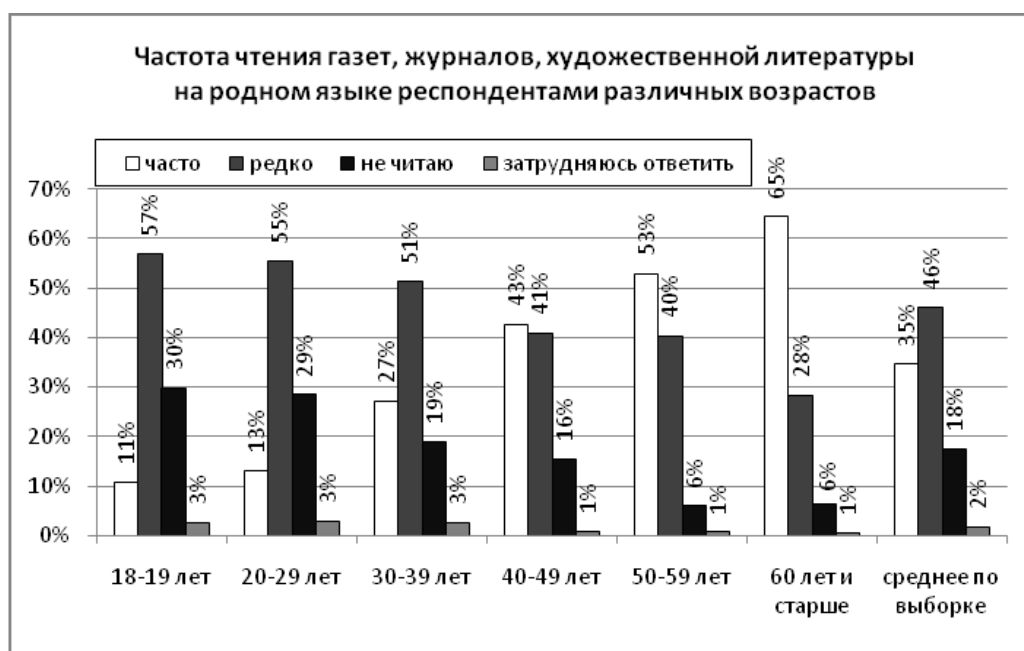

Рис. 9. Частота чтения газет, журналов, художественной литературы на родном языке респондентами различных возрастных групп

При сравнении ответов респондентов из разных возрастных групп обнаруживаем, что среди молодых групп респондентов (18–19 лет и 20–29 лет) абсолютное большинство смотрит телевизионные передачи на якутском языке редко; доля тех, кто смотрит такие передачи часто, составляет в группе 18–19-летних лишь 19 %, в группе 20–29-летних 26 %. В этом отношении две наиболее молодые группы резко отличаются от групп старше 40 лет, где преобладают респонденты, которые смотрят телепередачи на якутском языке часто: среди 40–49-летних – 50 %, 50–59-летних – 59 %, 60 лет и старше – 74 %. Аналогичная закономерность прослеживается и для варианта ответа «не смотрю». Доля тех, кто вообще не смотрит телевизионные передачи на родном языке, заметна в группах молодых респондентов и очень мала в группах респондентов старше 40 лет: 18–19 лет – 14 %, 20–29 лет – 13 %, 30–39 лет – 7 %, 40–49 лет – 5 %, 50–59 лет – 2 %, 60 лет и старше – 3 %.

Еще один важный аспект сохранения якутского языка – сохранение его в качестве языка, на котором люди думают, языка мышления и внутренней речи. Если люди думают в основном на родном языке, они сохраняют глубинную связь с национальной культурой, с закреплённой в языке картиной мира. При анализе данных опроса было проведено сравнение ответов респондентов разных возрастов, включённых в различные социально-экономические уклады, о том, на каком языке им удобнее думать о себе, о важных вещах в своей жизни – на родном, на русском или одинаково удобно на обоих языках.

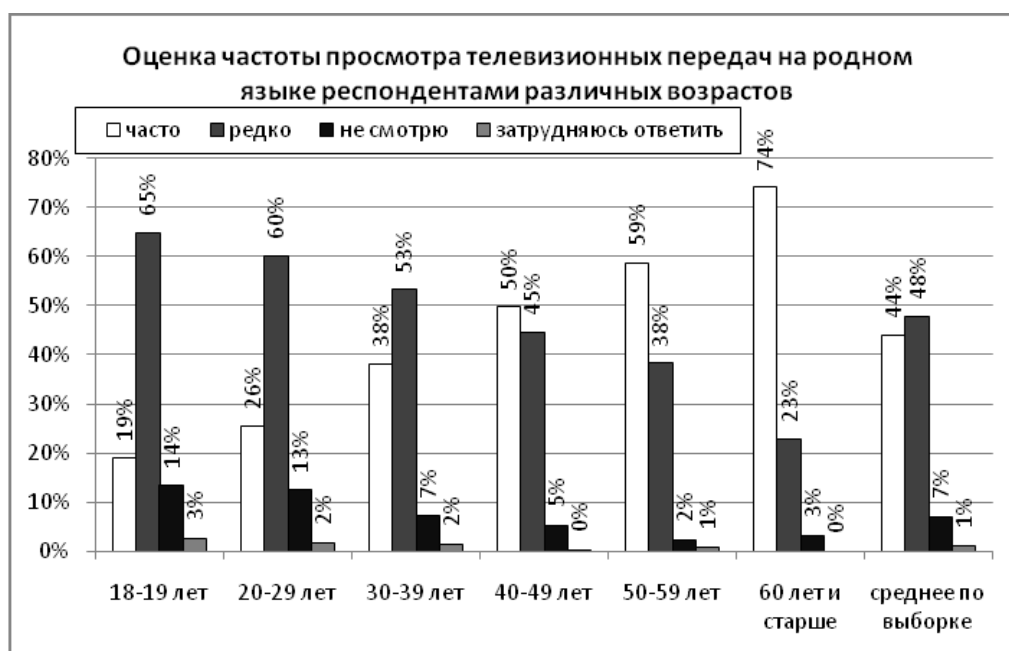

Рис. 10. Частота просмотра телевизионных передач на родном языке респондентами различных возрастных групп

Данные, представленные на диаграмме (рис. 11), показывают зависимость языка «внутренней речи» и мышления («языка, на котором удобно думать») от возраста респондента. Отчетливо прослеживается тренд: чем моложе респонденты, тем реже для них языком мышления и внутренней речи является именно якутский язык, тем чаще им одинаково удобно думать на русском и на родном языке, кроме того, возрастает доля тех, кто думает на русском языке.

Среди респондентов старше 40 лет преобладают те, кому удобно думать именно на якутском языке (от 50 до 66 %). Среди респондентов моложе 30 лет таких существенно меньше: 37 % в группе 20–29-летних и 28 % в группе 18–19-летних.

Среди респондентов в возрасте 40 лет и старше тех, кому одинаково удобно думать на якутском и на русском языке – не более трети. Среди респондентов в возрасте от 20 до 39 лет – немного более трети (34–35 %).

Среди самых молодых, 18–19-летних респондентов, почти половина (47 %) тех, кому одинаково удобно думать на якутском и на русском языке.

Среди респондентов в возрасте 30 лет и старше сравнительно немного тех, кому удобнее думать на русском языке – не более 19 %. Среди респондентов двух младших групп, 18–19-летних и 20–29-летних таких заметно больше – 25 и 28 % соответственно.

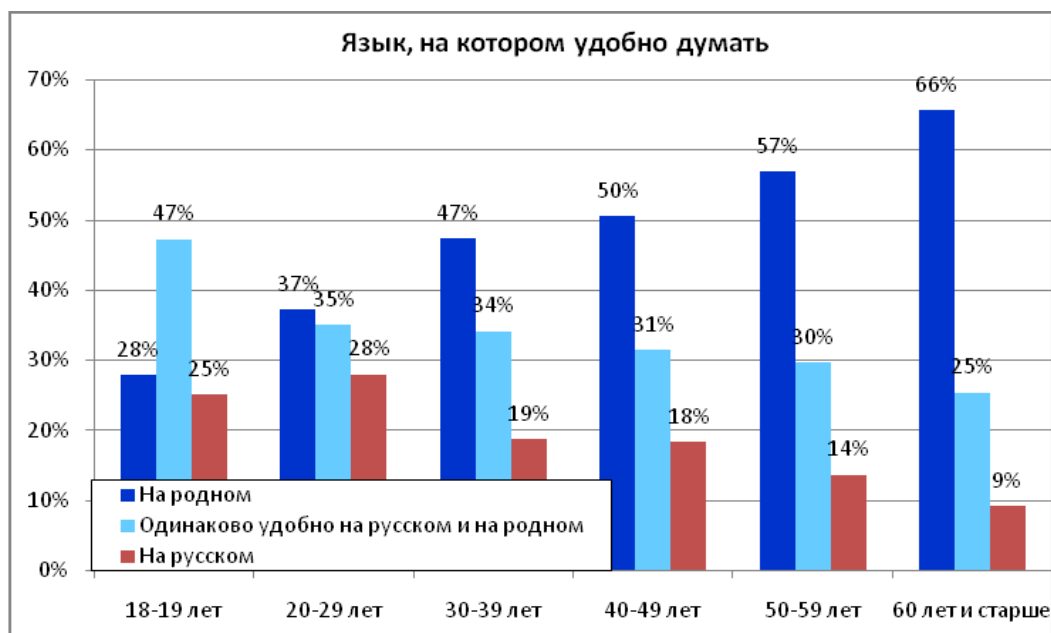

Рис. 11. Использование якутского языка как языка «внутренней речи» и мышления респондентами разных возрастов

Таким образом, данные опроса указывают на происходящий со смежной поколений переход: от преимущественного мышления на якутском языке представители народа саха переходят на двуязычие – среди самых молодых преобладают те, кому одинаково удобно думать на русском и на якутском языке. Также возрастает доля тех, кому удобнее думать на русском языке.

Диаграмма (рис. 12), отражает данные о языке «внутренней речи» и мышления респондентов, в зависимости от их включенности в уклады. Наиболее велика доля респондентов, предпочитающих думать на якутском языке, среди тех, кто включен в традиционный уклад – 57 %. Меньше всего респондентов, предпочитающих думать на якутском языке, среди включенных в индустриальный уклад – 45 %. Среди включенных в сервисный уклад – 46 %, среди включенных в когнитивный уклад – 49 %.

Доли тех, кому одинаково удобно думать на русском и на якутском языке, наиболее велики в группах респондентов, включенных в индустриальный уклад (35 %) и в когнитивный уклад (34 %); наименее велика эта доля среди включенных в традиционный уклад (29 %).

Предпочитающих думать на русском языке больше всего среди включенных в сервисный уклад (23 %), и меньше всего среди включенных в традиционный уклад (14 %).

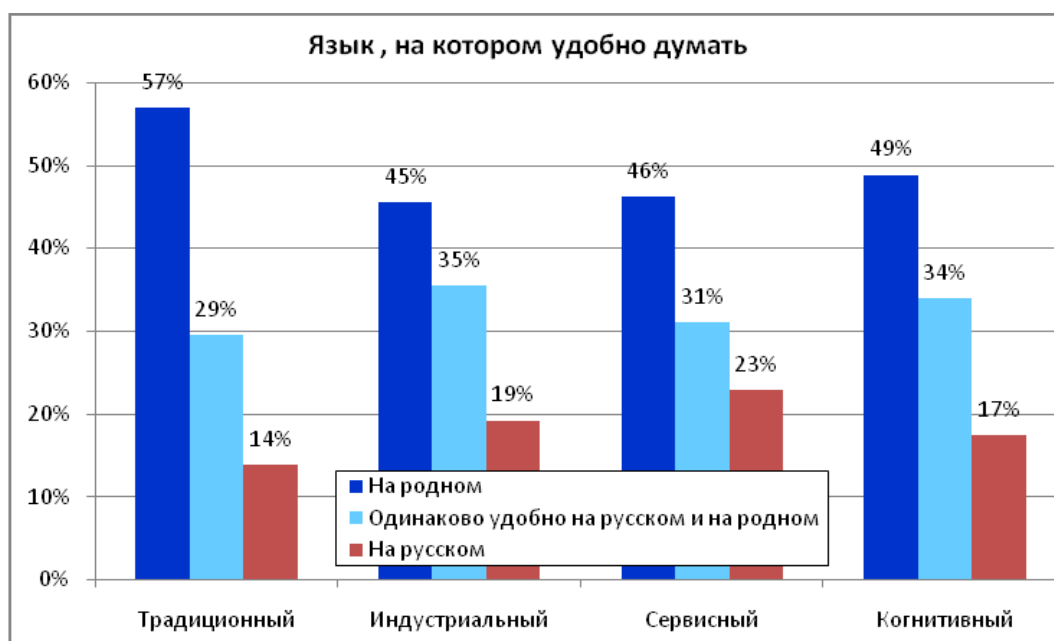

Рис. 12. Использование якутского языка как языка «внутренней речи» и мышления респондентами, включенными в различные уклады

Для наглядного представления обнаруженных трендов построены графики, на которых на горизонтальной оси отмечены годы рождения респондентов (десятилетние интервалы), а на вертикальной оси – доли респондентов в группах родившихся в эти временные интервалы, которые владеют свободно родным языком, используют его в повседневном общении, думают на нем (рис. 13). Также построен график для варианта ответа – «одинаково удобно думать на русском и на родном языке». На основе имеющихся точек графиков произведена экстраполяция – рассчитана линия тренда до интервала годов рождения 2020–2030 гг. (родившиеся в этом интервале будут вступать во взрослую жизнь в 2040–2050 гг.).

Экстраполяция обнаруженных трендов показывает (см. рис. 13), что в период до 2050 г. возможна, при сохранении данных трендов, заметная «диссипация» якутского языка, значительное замещение его русским языком. К 2050 г. среди представителей молодого поколения народа саха (родившихся в 2020–2030 гг.) будет приблизительно 75 % тех, кто свободно говорит на якутском языке; менее 70 % будут использовать якутский язык в повседневном общении; лишь 25 % будут думать преимущественно посредством якутского языка; 45 % на внутреннем, психологическом плане будут двуязычными, то есть думать в равной мере на якутском и на русском языке.

Приведенные показатели прогноза являются «мягкими», линии трендов построены с учетом всех групп респондентов, включая родившихся до 1950 г. Если строить линии трендов по данным респондентов 1960–1990-х годов рождения, то прогноз будет более «жестким» – процесс вытеснения якутского языка, возможно, ускорится в последние два десятилетия. Последние точки на графиках (рис. 13) располагаются заметно ниже линии тренда изменения параметров «свободное владение языком», «обсуждение личных дел на родном языке», «думание на родном языке» и выше линии тренда для параметра «одинаково удобно думать на русском и на родном языке». Сравнительно малая наполненность группы 18–19-летних респондентов не позволяет сделать однозначный вывод о том, что обнаруживается именно ускорение процесса вытеснения якутского языка. Для уточнения данной возможности следует провести отдельный опрос именно молодежи в диапазоне возрастов от 15 до 30 лет и получить достаточно большую для статистически достоверных выводов выборку 15–20-летних.

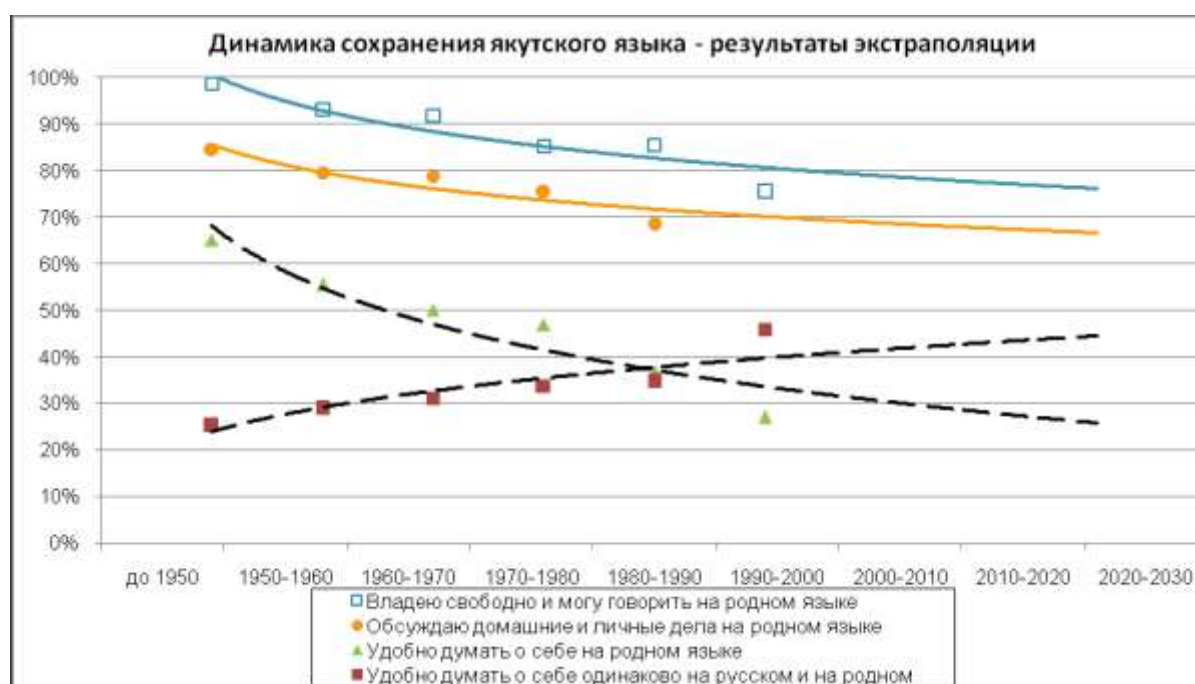

Рис. 13. Динамика сохранения якутского языка народом саха – различные аспекты использования языка (результаты экстраполяции обнаруженных трендов)

Заметим также, что пока открытым остается вопрос, пересматривают ли свои позиции молодые респонденты, когда становятся старше; необходимо дополнительное исследование в виде глубинных интервью на небольшой выборке, чтобы выяснить, много ли людей с возрастом начинают уделять больше внимания национальной культуре и языку или с возрастом «отчуждение» от родного языка и культуры может усиливаться.

Сохранение или «диссипация» национальных языков коренных народов существенно зависит от того, каковы субъективные установки носителей этих языков – намерены ли они учить своих детей говорить на национальном языке, или отказываются от этого, или безразличны к сохранению языка молодым поколением.

В ходе опроса респонденты отвечали, намерены ли они обучать своих детей говорить на национальном языке. Ниже представлен анализ результатов, показывающих намерения представителей народа саха (разных возрастов, включенных в различные уклады) учить своих детей говорить на якутском языке.

На диаграмме (рис. 14) показаны доли различных ответов о намерении учить своих детей говорить на якутском языке в группах респондентов разных возрастов.

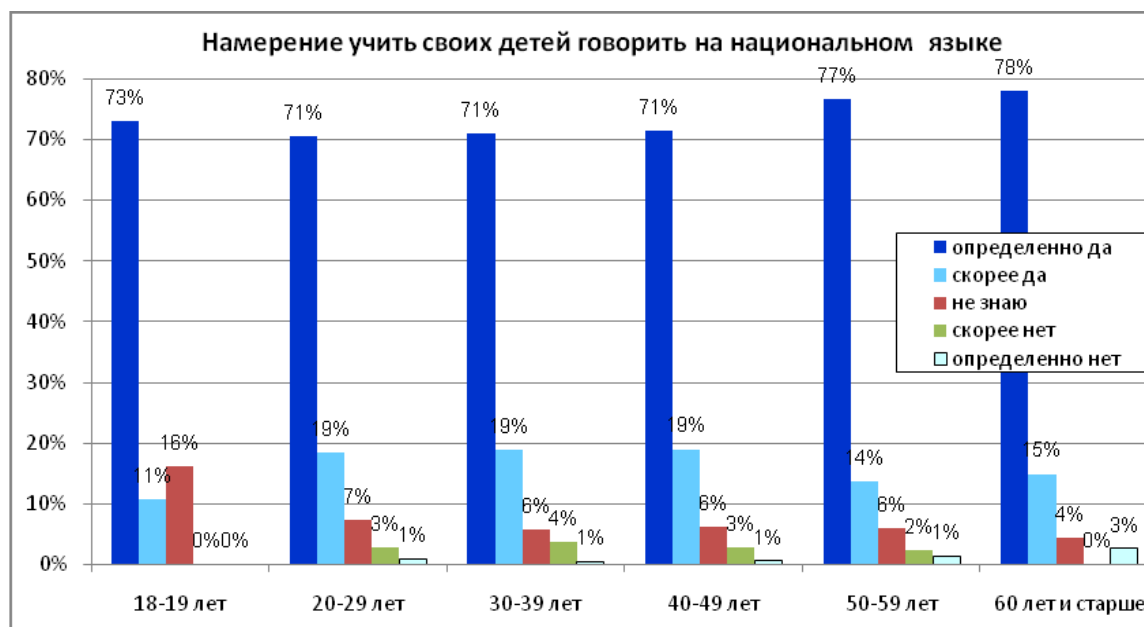

Рис. 14. Намерение респондентов учить своих детей говорить на национальном языке (распределения ответов в различных возрастных группах)

Ответ «определенно да» преобладает во всех возрастных группах. Особенно много респондентов дают такой ответ в двух старших группах – 50–59 лет и 60 лет и старше (77 и 78 % соответственно). Среди респондентов в возрасте от 20 до 49 лет такой ответ дает несколько меньшая доля – 71 %. Среди 18–19-летних респондентов 73 % отметили, что определенно будут учить своих детей говорить на якутском языке.

Ответ «скорее да» дают от 14 % до 19 % респондентов, кроме самой младшей группы, 18–19-летних, где таких ответов 11 %. Доля ответов «не знаю» – от 4 до 7 %, но значительно больше в группе 18–19-летних – 16 %. Доли ответов «скорее нет» и «определенно нет» очень малы во всех

возрастных группах (не превышают 4 %), такие ответы отсутствуют в группе 18–19-летних.

Таким образом, наиболее сильны установки учить детей говорить на якутском языке у респондентов 50 лет и старше. У респондентов в диапазоне возрастов от 20 до 49 лет снижается доля ответов «определенно да» в пользу ответов «скорее да». Самые молодые респонденты отличаются тем, что среди них относительно большее число еще не определилось по отношению к данному вопросу (ответ «не знаю»).

На диаграмме (рис. 15) приведены распределения ответов респондентов о том, будут ли они учить своих детей говорить на якутском языке, респонденты при этом разделены на группы в зависимости от включенности в различные социально-экономические уклады.

Рис. 15. Намерение респондентов учить своих детей говорить на национальном языке (распределения ответов в группах, включенных в разные уклады)

Наибольшая доля респондентов определенно намерена учить детей говорить на якутском языке в группе включенных в когнитивный уклад – 75 %, наименьшая – в группах респондентов, включенных в традиционный и индустриальный уклады (по 70 %). Доля тех, кто ответил «скорее да», более велика в группах респондентов, включенных в традиционный и индустриальный уклады (21 и 20 % соответственно, в сравнении с 17 % в двух других группах). Доля ответов «не знаю» наиболее велика в группе включенных в индустриальный уклад – 8 %.

В целом распределения ответов сходны; можно сказать, что включенность в постиндустриальный уклад (сервисный или когнитивный) при-

водит к тому, что респонденты более определенно намерены учить своих детей говорить на якутском языке. При этом суммы «позитивных» ответов («определенно да» и «скорее да») почти равны во всех группах (90–92 %). Группа включенных в индустриальный уклад отличается тем, что в ней большая, чем в других группах, доля респондентов дает ответ «не знаю».

4.1.2. Перспективы сохранения национальной культуры народом саха

Одна из задач опроса – определить, в какой мере представители коренных народов Республики Саха (Якутия) обращаются к национальной культуре, сохраняют ее как актуальную часть своей жизни. Один из рисков для национальных культур коренных народов в современном глобализированном мире – вытеснение массовой культурой, которая «вторгается» через телевидение, Интернет и т. д. Кроме того, важно определить, какие элементы национальной культуры остаются наиболее актуальными, к ним обращается наибольшее число людей – они поддерживают этническую общность, играют роль посредников, поддерживая связь людей с национальными традициями. Ниже приведен анализ ряда аспектов сохранения национальной культуры представителями народа саха.

Респондентам предлагалось рассмотреть следующий ряд элементов национальной культуры: 1) народные предания, легенды; 2) народные обычаи, обряды; 3) национальные традиции (жизни, поведения); 4) национальные праздники; 5) народные песни, танцы; 6) национальная одежда; 7) народная медицина; 8) национальная кухня; 9) национальный характер; 10) народные игры, состязания, виды отдыха; 11) национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло). Респонденты выделяли в этом ряду три элемента национальной культуры, к которым они наиболее часто обращаются. Кроме того, респонденты оценивали, как много места в их жизни занимают и как много значат для них перечисленные аспекты культуры с использованием шкалы оценок: «большое», «среднее», «никакое» (место в жизни).

На диаграмме (рис. 16) показано, какие аспекты культуры указываются респондентами наиболее часто, как присутствующие в их жизни, и какие указываются редко, т.е. почти вытеснены из жизни людей. Чаще всего респонденты называют: национальные праздники (53 %), народные обычаи, обряды (49 %), национальная кухня (41 %), национальные традиции (33 %), национальные виды хозяйственных занятий (29 %).

Заметно реже респонденты указывают на народные предания и легенды (18 %), народные игры, состязания, виды спорта (15 %), национальную одежду (11 %), национальный характер (11 %), народную медицину (10 %).

Для дальнейшего анализа были выбраны данные о пяти наиболее актуальных (часто отмечаемых респондентами) элементах национальной

культуры. Был проведен анализ того, к каким аспектам культуры чаще обращаются респонденты различных возрастов, включенные в разные уклады.

Рис. 16. Частота указания респондентами разных элементов национальной культуры как актуальных в их жизни

На диаграмме (рис. 17) показано, какие элементы культуры выбирают респонденты разных возрастов, когда им предлагается выделить три элемента национальной культуры, к которым они чаще всего обращаются. «Лидируют» по степени популярности национальные праздники. Для молодежи (18–19 лет и 20–29 лет) национальные праздники стоят на первом месте (62 и 56 % соответственно). Для людей в возрасте 30–39 лет почти одинаково важны национальные праздники, народные обычаи, обряды. Группа респондентов 40–49 лет несколько чаще выбирает народные обычаи, обряды, чем национальные праздники. Респонденты старше 50 лет, как и молодежь, чаще всего выбирает национальные праздники (53 % респондентов).

Народные обычаи, обряды чаще указываются респондентами 40–49 лет, значительно реже более молодыми респондентами и несколько реже старшими респондентами. Реже всего указывают, что обращаются к народным обычаям, обрядам, самые молодые респонденты, 18–19-летние (27 %). Также более молодые респонденты реже отмечают вариант «национальные традиции (жизни, поведения)».

Национальная кухня, напротив, тем чаще выбирается респондентами при ответе на данный вопрос, чем моложе респонденты: 49 % в группе 18–19 лет, 44 % в группе 20–29 лет, 40 % в группе 30–39 лет, 39 % в группе 40–49 лет, 38 % в группе 50–59 лет, 37 % в группе 60 лет и старше.

Национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло) выбираются более часто респондентами в возрасте

30–39 лет и реже – более молодыми и более старшего возраста. Реже всего обращаются в своей жизни к национальным видам хозяйственных занятий респонденты 18–19 лет.

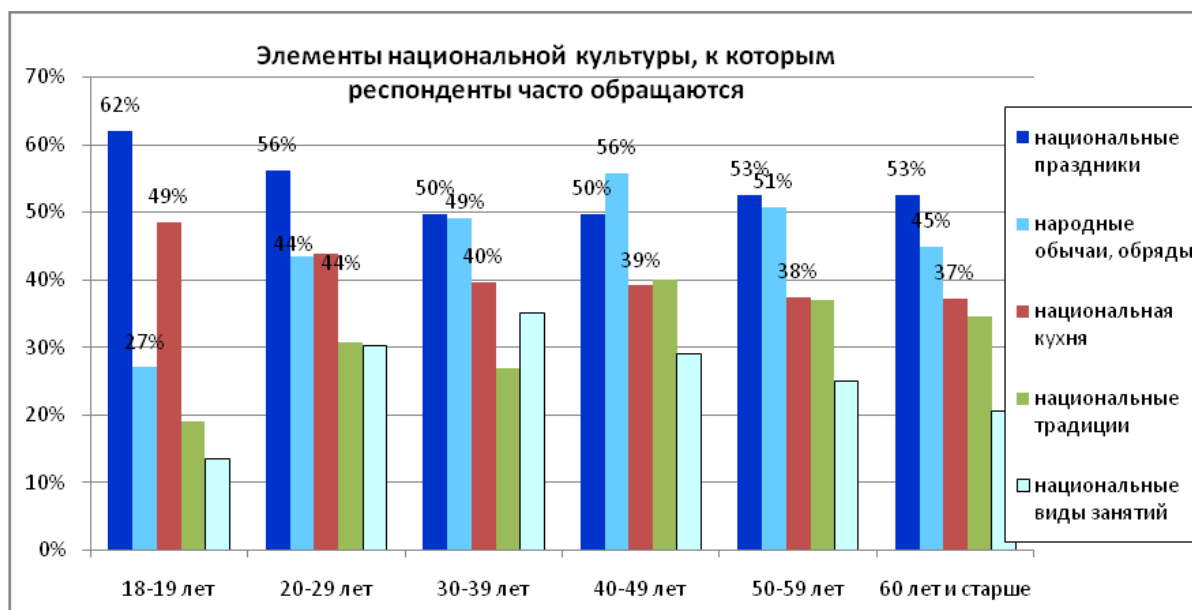

Рис. 17. Частота выбора разных элементов национальной культуры респондентами в зависимости от возрастов

Таким образом, «связующей нитью» для якутского этноса являются национальные праздники – они высоко актуальны для респондентов всех возрастных групп. Также весьма популярна национальная кухня, причем молодые респонденты считают ее важной для себя даже чаще, чем люди более старших возрастов. Есть определенный риск утраты интереса к народным обычаям, обрядам, к национальным традициям жизни, поведения, так как эти аспекты национальной культуры привлекают молодежь заметно реже, чем людей среднего и старшего возраста.

Перечисленные соотношения частот выбора различных аспектов народной культуры разными возрастными группами респондентов свидетельствуют, на наш взгляд, об определенном кризисе воспроизводства культуры. Молодых представителей этноса привлекают праздники как наиболее «декоративный» элемент культуры; то, что молодежь воспринимает праздник как празднество, а не манифестацию и коллективное переживание важных для сообщества ценностей и символов, подтверждается сравнительно низкой частотой выбора группами молодых респондентов варианта ответа «национальные традиции». Также группы в возрасте до 30 лет сравнительно чаще выбирают вариант ответа «национальная кухня» – это один из наиболее прагматических элементов культуры. Народные обычаи, обряды, национальные традиции, национальные виды хозяйственных занятий оказываются на периферии внимания молодых респондентов.

Результаты анализа ответов респондентов, включенных в разные уклады, отражены на диаграмме (рис. 18). Национальные праздники выбирают наиболее часто респонденты, включенные в индустриальный уклад – 56 %, сравнительно реже – включенные в традиционный уклад – 49 %. К народным обычаям и обрядам часто обращаются респонденты групп: включенные в когнитивный уклад (56 %) и в традиционный (52 %). Включенность в индустриальный уклад не способствует сохранению народных обычаев как важной части собственной жизни (лишь 40 % респондентов в данной группе отметили данный вариант ответа).

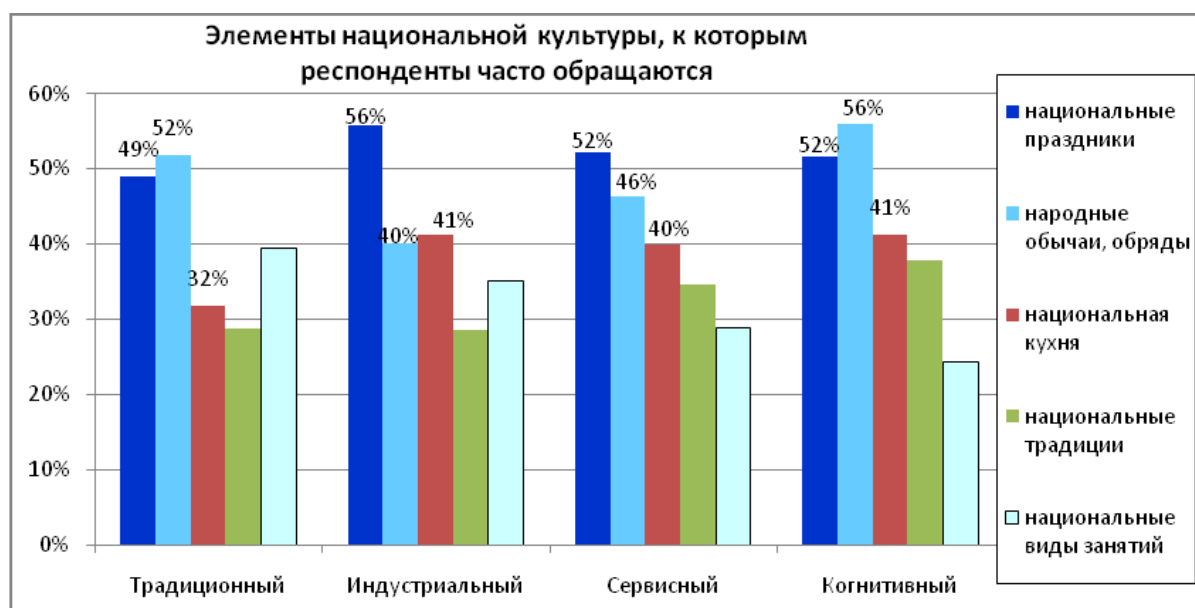

Рис. 18. Частота выбора разных элементов национальной культуры респондентами в зависимости от включенности в уклады

Национальные традиции жизни и поведения, как элемент культуры, к которому часто обращаются, называет больше всего респондентов в группе включенных в когнитивный уклад, меньше всего – в группах респондентов, включенных в традиционный и индустриальный уклады.

Национальные виды хозяйственных занятий, ожидаемым образом, часто включены в жизнь тех респондентов, которые связаны с традиционным укладом; респонденты из групп включенных в индустриальный и сервисный, а в особенности в когнитивный уклад, заметно реже дают такой вариант ответа.

Данные опроса свидетельствуют в пользу того, что «переток» народа саха из традиционного в индустриальный или постиндустриальный уклады приводит к утрате культуры национальных хозяйственных занятий; что же касается народных обычаев, обрядов, национальных традиций жизни и поведения, то включенность в постиндустриальные виды деятельности, по-видимому, создает условия для «ренессанса» этих аспектов культуры. Можно предполагать, что более высокий уровень образования, большее

свободное время, большая интенсивность коммуникаций, большая рефлексивность, свойственные людям, включенным в постиндустриальные виды деятельности, являются положительными факторами для обращения к национальным обычаям и традициям. Отдельная тема исследования – насколько «глубоким» оказывается такое обращение к национальной культуре, есть ли риск замещения национальной культуры имитациями и «симулякрами» в духе культуры постмодерна.

Также респондентам предлагалось ответить на вопрос: «как много места занимают в Вашей жизни и значат для Вас?» относительно каждого из следующих элементов национальной культуры: 1) народные предания, легенды; 2) народные обычаи, обряды; 3) национальные традиции (жизни, поведения); 4) национальные праздники; 5) народные песни, танцы; 6) национальная одежда; 7) народная медицина; 8) национальная кухня; 9) национальный характер; 10) народные игры, состязания, виды отдыха; 11) национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло). Возможны были варианты ответа: большое, среднее, никакое.

Для сопоставления разных групп респондентов был осуществлен перевод ответов в количественную форму: ответам «никакое» ставился в соответствие 1 балл, ответам «среднее» – 2 балла, ответам «большое» – 3 балла. Далее для каждого респондента рассчитывался средний балл по всем пунктам ответа на вопрос. Полученный средний балл использовался как индикатор – «индекс ценности традиций». Индикатор может иметь значения в диапазоне от 1 до 3. Значение индикатора, равное 1, означает, что все элементы национальной культуры для респондента «ничего не значат». Значение индикатора, равное 3, означает, что для респондента все элементы национальной культуры «значат много».

В зависимости от значения «индекса ценности традиций» респондентов можно отнести к следующим категориям: с низкими значениями индекса (1,0–1,49) – «утратившие связь с культурой этноса»; со значениями индекса (1,5–1,99) – «промежуточный тип – 1»; со значениями индекса (2,0–2,49) – «промежуточный тип – 2»; с высокими значениями индекса (2,5–3,0) – «поддерживающие жизнь этноса». В среднем по выборке к категории «утративших связь с культурой этноса» относятся 7 % респондентов, к категории «поддерживающих жизнь этноса» – 37 %. Далее показано, как эти категории респондентов представлены в группах различного возраста, включенных в разные уклады.

На диаграмме (рис. 19) показаны распределения респондентов разного возраста по обозначенным выше категориям, отражающим связь с национальной культурой. Весьма четко прослеживается зависимость: чем моложе респонденты, тем меньше среди них «поддерживающих жизнь этноса», тех, в чьей жизни национальная культура занимает большое место. Доля «поддерживающих жизнь этноса» среди респондентов 60 лет и стар-

ше – 42 %, среди 50–59-летних – 36 %, среди 40–49-летних – 34 %, среди 30–39-летних – 29 %, среди 20–29-летних – 24 %, среди 18–19-летних – лишь 14 %. Кроме того, чем моложе респонденты, тем больше среди них «утративших связь с культурой этноса»: среди 18–19-летних – 11 %, среди 20–29-летних – 6 %, среди более старших респондентов – от 2 % до 5 %.

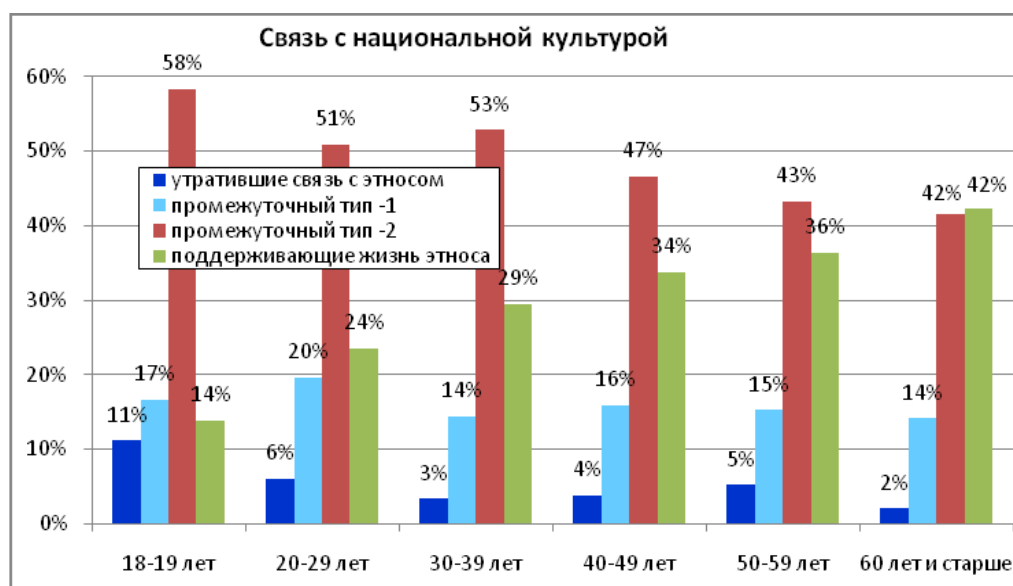

Рис. 19. Связь представителей народа саха с национальной культурой в зависимости от возраста

Во всех возрастных группах (кроме 60 лет и старше) большинство респондентов по «индексу ценности традиций» относятся к «промежуточному типу – 2». В возрастной группе 60 лет и старше одинаковое количество тех, кто по индексу ценности традиций отнесен к «промежуточному типу – 2» и к «поддерживающим жизнь этноса».

Таким образом, данные опроса указывают на риск возникновения в будущем «поколенческого разрыва»: на смену поколениям, среди которых преобладали люди, «поддерживающие жизнь этноса», придут поколения, в которых очень небольшая доля людей относится к этой категории, одновременно растет доля тех, кто утратил связь с культурой этноса (национальная культура для них, по собственной их оценке, «ничего не значит»).

Позитивным аспектом ситуации является преобладание среди всех групп, в особенности среди молодых людей, тех, кто может быть отнесен к «промежуточному типу – 2», т. е. проявляющих умеренный интерес к национальной культуре. За счет специально проводимой культурной политики этот интерес может быть актуализирован, на его основе могут быть развернуты различные формы культурной активности.

На диаграмме (рис. 20) показаны распределения респондентов, включенных в разные уклады, по обозначенным выше категориям, отражающим связь с национальной культурой.

Наиболее велика доля «поддерживающих жизнь этноса» в группе включенных в традиционный уклад – 38 %, наименее велика она в группе включенных в индустриальный уклад – 28 %.

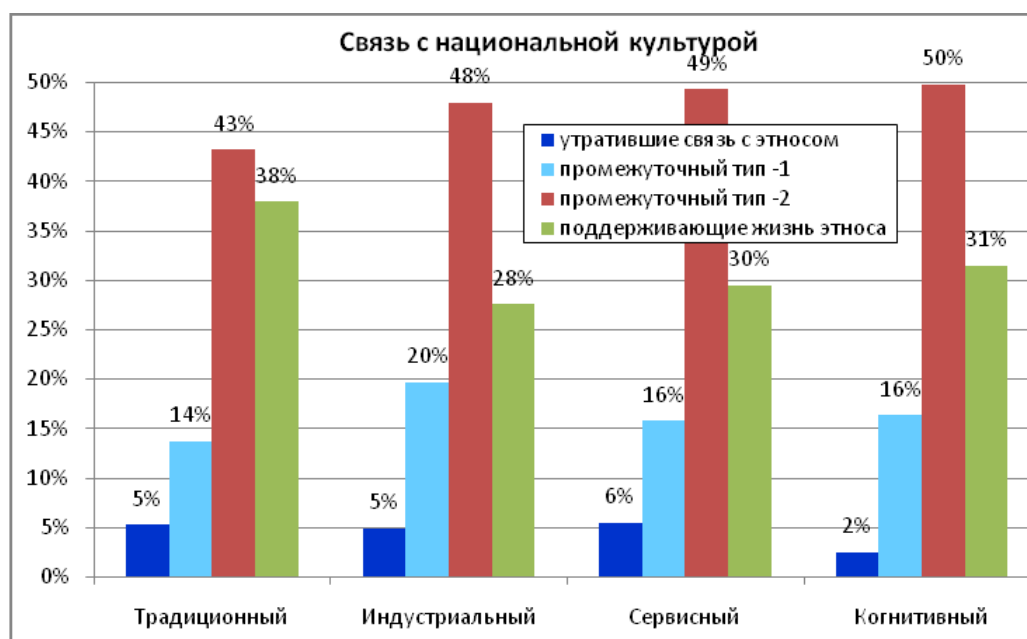

Рис. 20. Связь представителей народа саха с национальной культурой в зависимости от включенности в уклады

Структура распределений показывает, что наиболее благоприятны для воспроизводства национальной культуры традиционный уклад (максимальна доля «поддерживающих жизнь этноса», минимальна доля «промежуточного типа – 1») и когнитивный уклад (максимальна доля «промежуточного типа – 2», довольно велика доля «поддерживающих жизнь этноса», минимальна доля «утративших связь с культурой этноса»).

Наименее благоприятен для воспроизводства национальной культуры индустриальный уклад – минимальна доля «поддерживающих жизнь этноса», максимальна доля «промежуточного типа – 1».

Перспективы сохранения национальной культуры коренных народов существенным образом зависят от того, как оценивают ее сами представители коренных народов: ожидают ли они сохранения своей культуры, трансформации или исчезновения. Респондентам было предложено ответить на вопрос, каково, на их взгляд, будущее традиционной культуры народа саха. Варианты ответа: 1) традиционная культура будет существовать всегда, 2) произойдет синтез культур – через взаимопроникновение и взаимовлияние разных культур, 3) произойдет ассимиляция – полное растворение традиционной культуры в доминирующих культурах, 4) традиционная культура сохранится только в небольших селах или в традиционных хозяйствах, 5) другое, 6) я не задумывался об этом.

На диаграмме (рис. 21) представлены распределения ответов респондентов о будущем традиционной культуры народа саха, в зависимости от их возраста. В возрастных группе от 20 лет и старше значительно преобладают ответы «традиционная культура будет существовать всегда» (от 41 % ответов до 64 %). Однако при этом прослеживается четкая зависимость: чем моложе респонденты, тем меньшая их доля выбирает данный ответ. Самые молодые респонденты (18–19 лет) чаще полагают, что традиционная культура сохранится только в небольших селах или в традиционных хозяйствах.

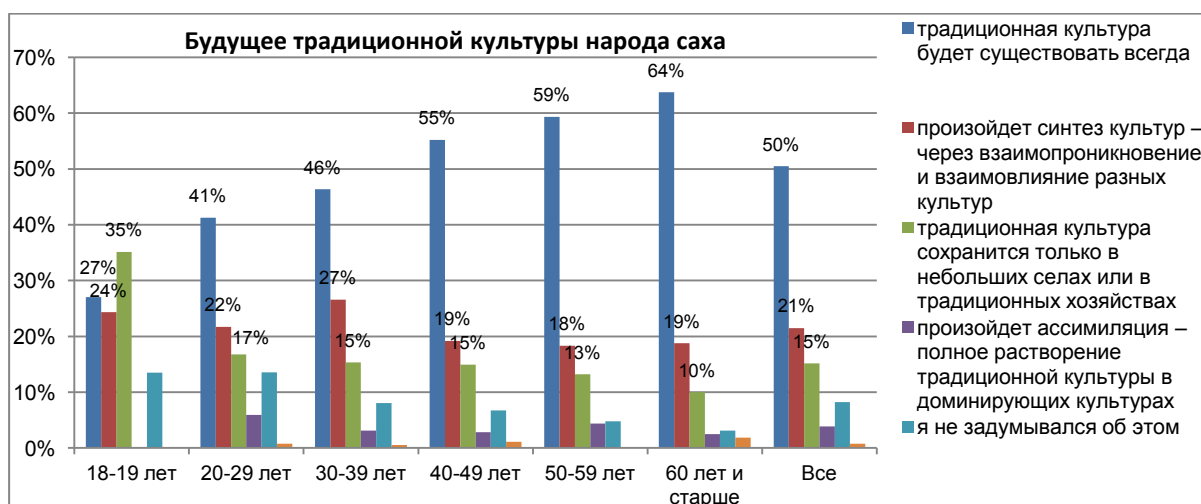

Рис. 21. Будущее традиционной культуры народа саха с точки зрения респондентов разных возрастов

Синтез культур через взаимопроникновение и взаимовлияние ожидает меньшая доля респондентов — от 10 до 25 %, этот ответ чаще дают молодые респонденты (до 39 лет) и заметно реже — старшие (40 лет и старше).

Доля ответов «традиционная культура сохранится только в небольших селах или в традиционных хозяйствах» невелика и существенно зависит от возраста респондентов — чем они моложе, тем большая их доля видит таким образом будущее традиционной культуры. Как уже сказано, в группе 18–19-летних данные ответы преобладают по числу (35 %).

Очень небольшие доли респондентов во всех группах ожидают, что произойдет ассимиляция — полное растворение традиционной культуры в других, доминирующих культурах, чаще других такой ответ дают респонденты 20–29 лет.

Ответ «я не задумывался над этим» дает незначительная доля респондентов в среднем, но эта доля довольно велика в двух наиболее молодых группах (18–19 и 20–29 лет).

На диаграмме (рис. 22) представлены распределения ответов респондентов о будущем традиционной культуры народа саха, в зависимости от включенности в различные уклады.

Во всех группах преобладает оптимистическая оценка «традиционная культура будет существовать всегда», это особенно выражено в группе респондентов, включенных в традиционный уклад. В группе тех, кто включен в когнитивный уклад, значительно больше, чем в других группах, доля тех, кто считает, что произойдет синтез культур (27 %); наименьшая же доля таких ответов в группе включенных в традиционный уклад (10 %). Об ассимиляции и полном «растворении» традиционной культуры чаще говорят те, кто включен в сервисный уклад (17 %) и в традиционный уклад (15 %).

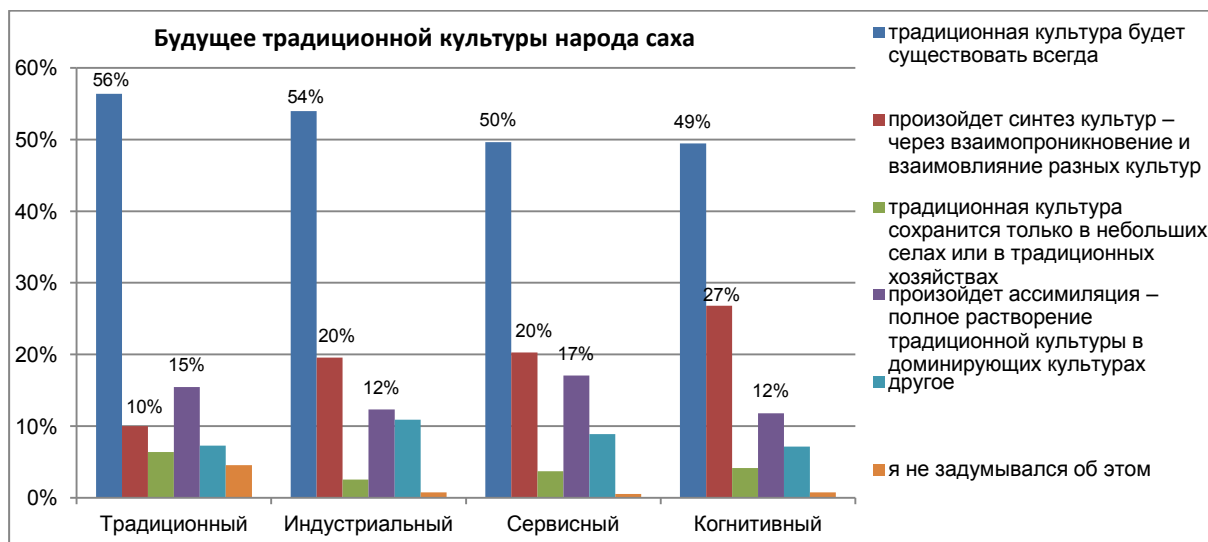

Рис. 22. Будущее традиционной культуры народа саха с точки зрения респондентов, включенных в разные уклады

Таким образом, при «перетоке» представителей народа саха из традиционного в индустриальный, сервисный, когнитивный уклады несколько меняется представление о будущем традиционной культуры: хотя преобладающим взглядом на будущее остается представление, что традиционная культура будет существовать всегда, увеличивается доля тех, кто ожидает, что произойдет синтез культур или культурная ассимиляция.

4.1.3. Урбанизационные процессы и территориальная мобильность представителей народа саха

В течение XX столетия народ саха оказался вовлечен в урбанизационные процессы, в настоящее время «переток» сельского населения в города продолжается. Интенсивность этого процесса может быть оценена при анализе ответов респондентов на вопрос: «В каком населённом пункте живут (жили) Ваши родители? Живёте Вы сами? Живут Ваши дети?». Варианты ответа: сельское поселение, поселок городского типа, город.

На диаграмме (рис. 23) отражены данные опроса, позволяющие оценить темпы урбанизационных процессов для народа саха, – доли респон-

дентов, их родителей и детей, проживающие в поселениях разного типа. Среди респондентов значительно большая доля проживает в городах (47,1 %), чем среди их родителей (19,7 %); далее, доля детей респондентов, проживающих в городах, значительно больше (56,6 %), чем доля самих респондентов.

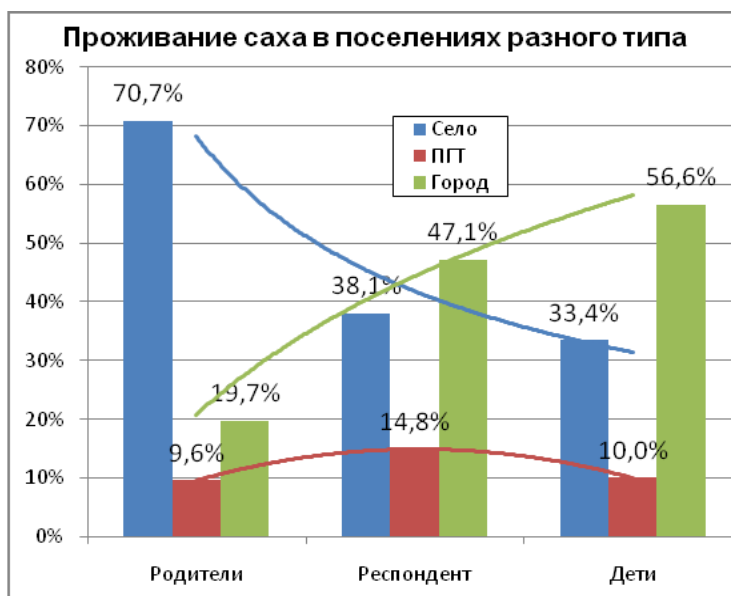

Рис. 23. Проживание саха (разных поколений) в поселениях различного типа

В селе проживают (или проживали) 70,7 % родителей респондентов, 38,1 % респондентов, 33,4 % детей респондентов. Таким образом, из поколения в поколение всё меньше саха проживают в сельской местности, и всё большая часть – в городах, среди детей респондентов в городах проживает уже более половины.

В поселках городского типа проживают 9,6 % родителей респондентов, 14,8 % респондентов и 10,0 % детей респондентов.

Судя по данным опроса, саха покидают сельскую местность, «центрами притяжения» для них являются города, но поселки городского типа такими центрами не являются.

Был сделан, посредством экстраполяции обнаруженных тенденций, оценочный прогноз динамики урбанизационных процессов «на два поколения вперед» (рис. 24).

На диаграмме (рис. 24) отражается изменение долей саха, проживающих в разных типах поселений; данные саха для респондентов, их родителей и детей получены в результате опроса, а доли внуков и правнуков респондентов определены посредством экстраполяции. На горизонтальной оси откладываются года рождения различных групп саха (интервалы). Долгосрочные тренды указывают на то, что в будущем доля городского

населения будет возрастать – до 67 % среди рожденных в 2020–2040 гг., доля сельского населения будет снижаться до 21 % среди рожденных в 2020–2040 гг. а доля представителей саха, проживающих в поселках городского типа, останется примерно на одном уровне (при условии, что в этот период не появятся какие-либо дополнительные факторы, существенно влияющие на темпы урбанизации).

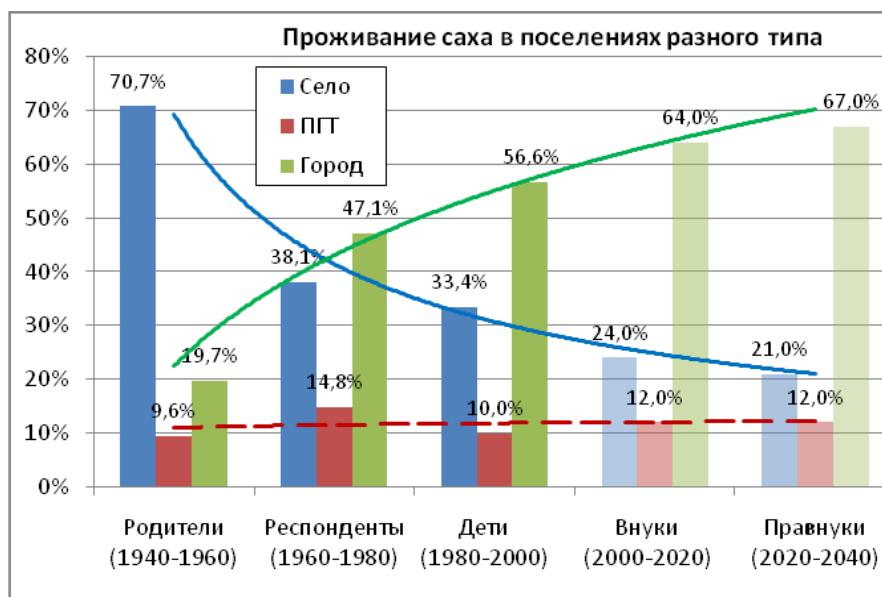

Рис. 24. Урбанизационные процессы, захватывающие народ саха (прогноз)

Для прогноза миграционных процессов, мобильности населения в будущем представляют интерес ответы респондентов на вопрос об их планах, касающихся места жительства.

На диаграмме (рис. 25) представлены данные о планах респондентов различного возраста, касающихся их жительства в будущем. Во всех возрастных группах большинство респондентов выбирают вариант «постоянно жить в Республике Саха», однако чем моложе респонденты, тем меньшая их доля выбирает данный вариант: 60 лет и старше – 96 %, 50–59 лет – 93 %, 40–49 лет – 89 %, 30–39 лет – 77 %, 20–29 лет – 62 %, 18–19 лет – 32 %.

Вторым по частоте ответом стал ответ «не думал(а) об этом»: 18–19 лет – 16 %, 20–29 лет – 12 %, 30–39 лет – 10 %, 40–49 лет – 6 %, 50–59 лет – 5 %.

Наиболее молодые респонденты указывают широкий спектр вариантов – жить в различных регионах России, уехать на постоянное жительство в другую страну, уехать временно на заработки, уехать, чтобы получить образование; каждый из вариантов дает небольшую долю ответов, но их сумма в группе 18–19-летних дает 52 % ответов, в группе 20–29-летних – 26 % ответов. Даже если предположить, что ответы 18–19-летних отлича-

ются «мечтательностью» и меньшим реализмом, в сравнении с ответами старших респондентов, все же можно говорить о тенденции: чем моложе респонденты, тем в меньшей степени они связывают свое будущее именно с проживанием на территории Республики Саха (Якутия), их субъективная готовность проживать в другом регионе, стране или временно уехать для учебы или заработков существенно возрастает.

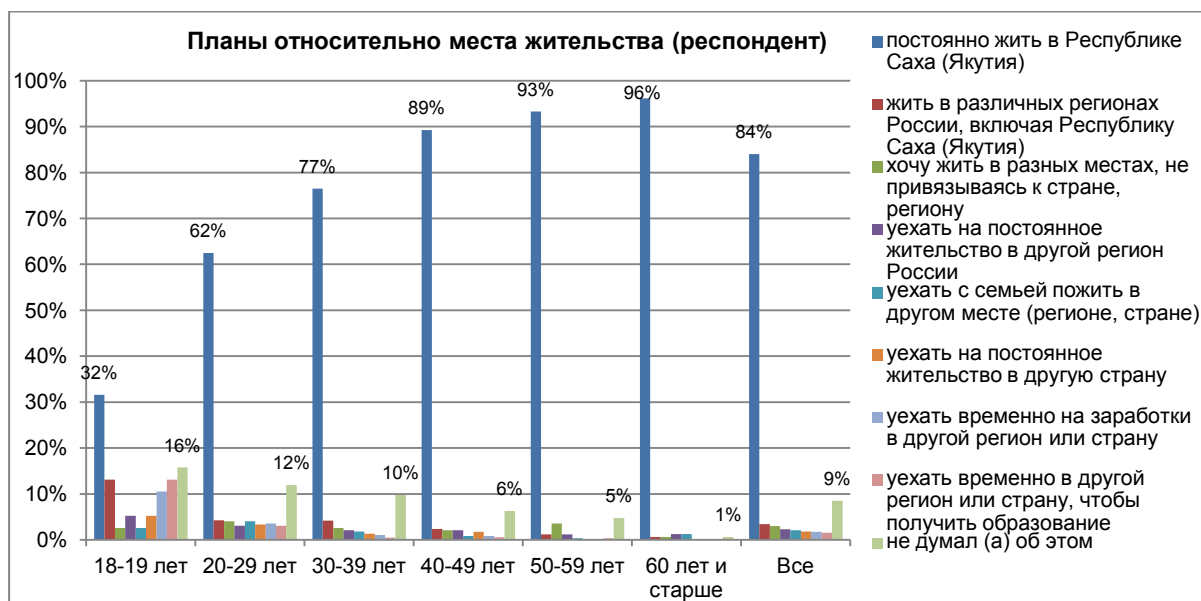

Рис. 25. Планы респондентов (различных возрастных групп) относительно места жительства

На диаграмме (рис. 26) представлены данные о планах респондентов, включенных в различные уклады, касающихся их жительства в будущем. Существенно преобладают планы «постоянно жить в Республике Саха»: в группе включенных в когнитивный уклад – 80 %, традиционный – 79 %, сервисный – 78 %, индустриальный – 76 %. Второй по частоте ответ «не думал(а) об этом»: индустриальный уклад – 10 %, традиционный и сервисный – по 8 %, когнитивный – 7 %.

Отдельный интерес представляет вопрос о том, где, по мнению респондентов, будут проживать их дети в их взрослой жизни.

На диаграмме (рис. 27) отображены представления респондентов различных возрастных групп о том, где будут проживать их дети, когда станут взрослыми. В младших возрастных группах большинство респондентов выбрали ответ «затрудняюсь ответить»: 18–19 лет – 46 %, 20–29 лет – 41 %, возможно это объясняется тем, что у многих в данных группах еще нет детей или же дети еще слишком маленькие. В более старших группах большинство респондентов считают, что их дети будут «постоянно жить в Республике Саха (Якутия)»: 30–39 лет – 34 %, 40–49 лет – 65 %, 50–59 лет – 76 %, 60 лет и старше – 80 %. Чем моложе респонденты, тем реже они дают такой ответ: 30 % в группе 20–29-летних, 16 % в группе 18–19-летних.

Характерно, что доля ответов «будут постоянно жить в Республике Саха (Якутия)» относительно собственных детей в каждой возрастной группе существенно меньше, чем доля таких же ответов респондентов о самих себе.

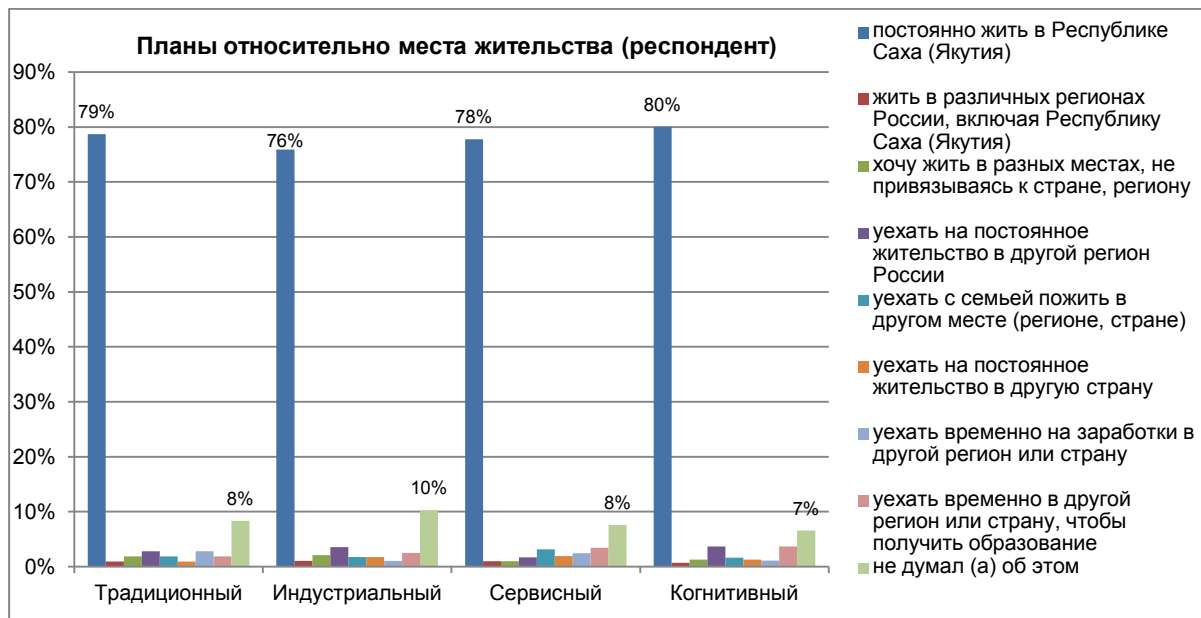

Рис. 26. Планы респондентов, включенных в различные уклады, относительно места жительства

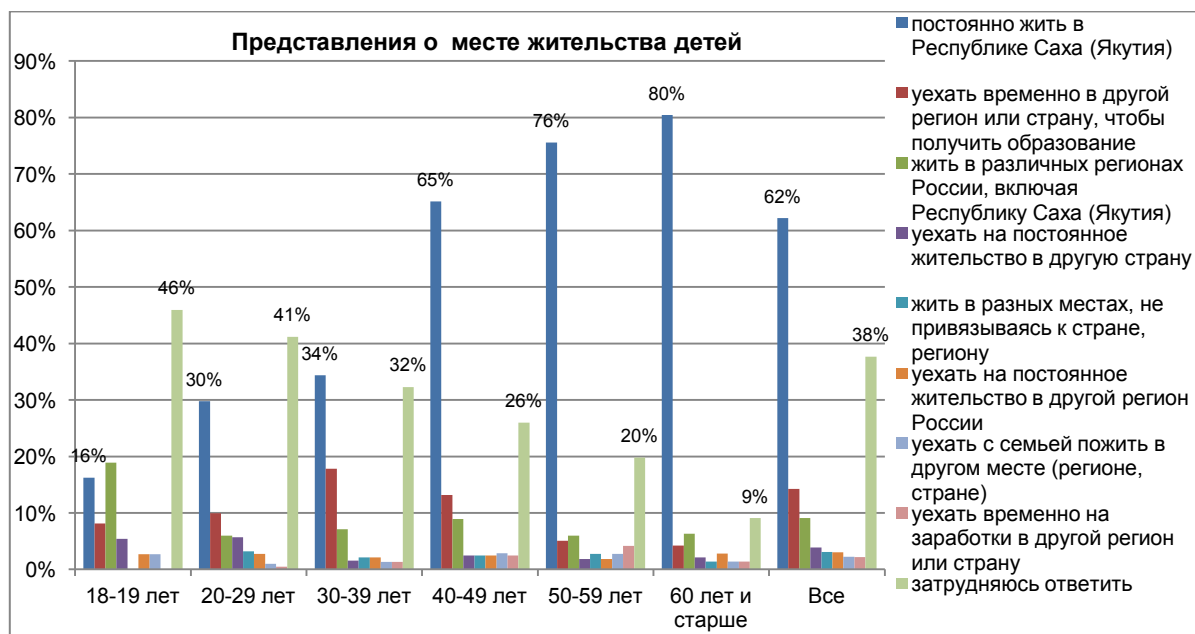

Рис. 27. Представления респондентов разных возрастов о том, где будут жить их дети, когда станут взрослыми

Данные различия, на наш взгляд, отражают как неопределенность будущего, с точки зрения респондентов, так и возрастание мобильности населения: чем моложе группа, тем менее она привязана к месту жительства.

ва, тем в большей мере входящие в нее респонденты планируют для себя или предполагают о своих детях, что возможно проживание не только в Республике Саха (Якутия), но и в других регионах.

На диаграмме (рис. 28) отражены распределения ответов респондентов, включенных в разные уклады, о предполагаемом месте жительства их детей (когда дети станут взрослыми). Во всех группах большинство респондентов выбрали ответ «постоянно жить в Республике Саха (Якутия)»: традиционный уклад – 55 %, когнитивный – 48 %, сервисный – 43 %, индустриальный – 42 %. Второй по частоте ответ во всех группах – «затрудняюсь ответить»: индустриальный – 34 %, сервисный – 30 %, традиционный – 26 %, когнитивный – 24 %.

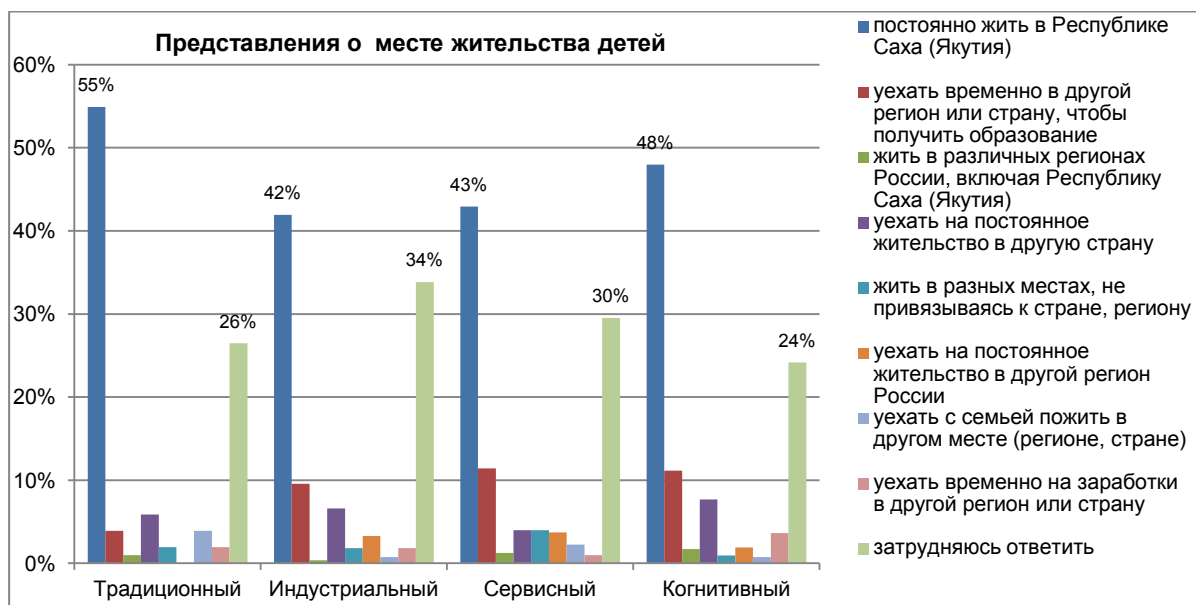

Рис. 28. Представления респондентов, включенных в разные уклады, о том, где будут жить их дети, когда станут взрослыми

Таким образом, наиболее уверены в том, что их дети будут постоянно жить в Республике Саха (Якутия) респонденты, включенные в традиционный уклад, наименее – респонденты, включенные в индустриальный уклад.

4.2. Сохранение национального языка и культуры представителями коренных малочисленных народов Севера Красноярского края (по данным социологического опроса)

Совершенно особой, в сравнении с ситуацией народа саха, представляется ситуация сохранения языков и культуры коренных малочисленных народов Севера. Особенность заключается, в первую очередь, в малой численности данных народов – от нескольких тысяч и десятков тысяч до нескольких сотен

человек. Другая немаловажная особенность – отсутствие или слабая развитость надлокальных, «вторичных» институтов, обеспечивающих воспроизводство культуры и языков данных народов, т.е. политических институтов, учреждений культуры и образования, СМИ и др., при одновременном ослаблении или распаде традиционных локальных институтов (род, родовая община).

В социологическом опросе участвовали представители четырех коренных малочисленных народов Красноярского края – эвенков, селькупов, кето, чулымцев. В отличие от народа саха, захваченного процессом урбанизации, в значительной мере включенного в индустриальный и постиндустриальный уклады, участвовавшие в опросе представители КМНС – сельские жители, для значительной их части традиционное хозяйство является основной работой (см. табл. 6).

4.2.1. Перспективы сохранения национальных языков коренными малочисленными народами Севера Красноярского края

Для изучения динамики сохранения языка коренными малочисленными народами Севера Красноярского края респондентам задавался ряд вопросов о владении национальным языком, использовании национального (родного) языка в повседневной жизни, о намерениях учить своих детей говорить на национальном языке. В данной статье приведена часть полученных результатов опроса.

Первый вопрос: «В какой степени Вы и Ваш(а) супруг(а), Ваши родители, Ваши дети владеют национальным (родным) языком?» Результаты анализа ответов респондентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Доли респондентов разных возрастов, выбравших вариант ответа «владеют и могут говорить свободно на национальном (родном) языке»

Возраст респондента	Родители респондента, % ответов	Респондент, % ответов	Дети респондента, % ответов
20–39 лет	94,9	33,3	5,1
40–59 лет	93,2	57,6	18,6
60–80 лет	86,7	80,0	20,0

Доля респондентов, свободно владеющих национальным языком, максимальна в возрастной группе 60–80 лет – 80 %, в возрастной группе 40–59 лет она составляет 57,6 %, в возрастной группе 20–39 лет она снижается до 33,3 %. Для всех респондентов доля родителей, свободно владеющих языком, существенно выше (чем самих респондентов) и составляет 86,7–94,9 %. Для всех респондентов доля детей, свободно владеющих языком, существенно ниже и составляет 5,1–20 %.

На графике (рис. 29) представлены доли респондентов, свободно владеющих национальным языком, в возрастных группах 20–39-летних, 40–59-летних, 60–80-летних. Также на графике отмечены две «граничные точки»: 0–20 лет и 80–100 лет, значения для которых были определены по ответам респондентов (наиболее молодых и самых старших) в отношении своих детей и родителей, соответственно. График отчетливо показывает, что доля владеющих национальным языком значительно убывает со снижением возраста, это фактически указывает на скорость утраты национального языка этносом из поколения в поколение.

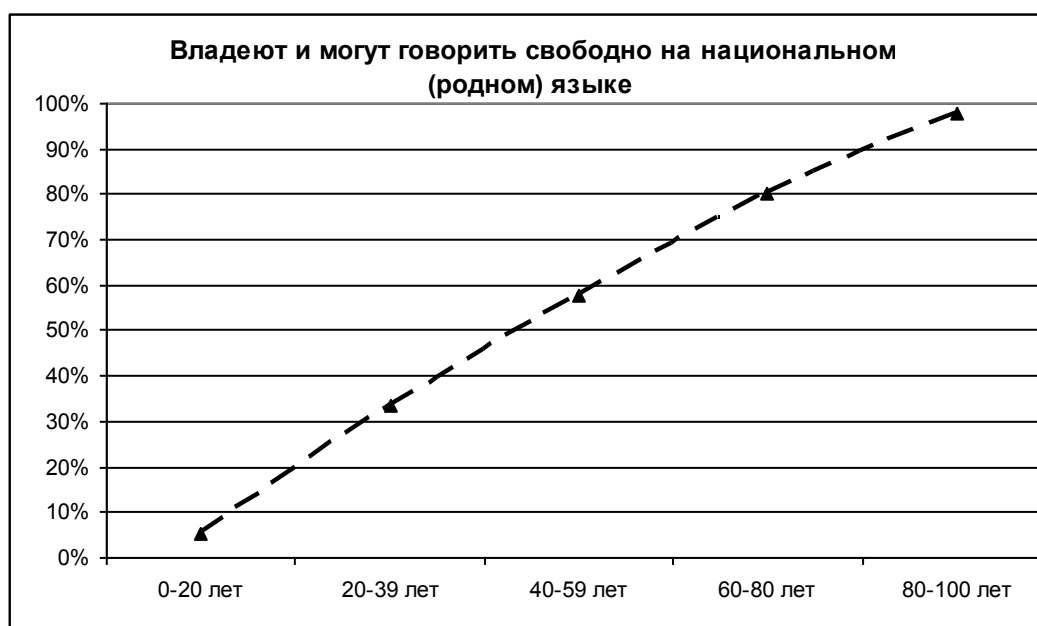

Рис. 29. Доля респондентов, владеющих национальным языком, в зависимости от возраста респондента

Для удобства представления результатов проведен перерасчет данных — переход от возраста респондента (как это представлено на рис. 29) к году его рождения (рис. 30). При этом на временной оси откладываются не возрасты респондентов, а годы их рождения.

В отношении «граничных точек» (2000 г. и 1920 г.) используется сдвиг с «лагом» в 20 лет, соответственно, для детей и родителей респондентов. При этом ответы респондентов возрастной группы 20–39 лет в отношении своих детей позволяют получить данные для возрастной группы 0–20 лет, а ответы респондентов возрастной группы 60–80 лет в отношении своих родителей позволяют получить данные для возрастной группы 80–100 лет.

График (рис. 30) показывает, что сокращение доли респондентов, «владеющих и свободно говорящих на национальным языке», в последние 100 лет происходит почти линейным образом и с весьма высокой скоро-

стью. При этом каждые 20 лет (через одно поколение) доля владеющих и свободно говорящих на национальным языке уменьшилась на 18–28 %.

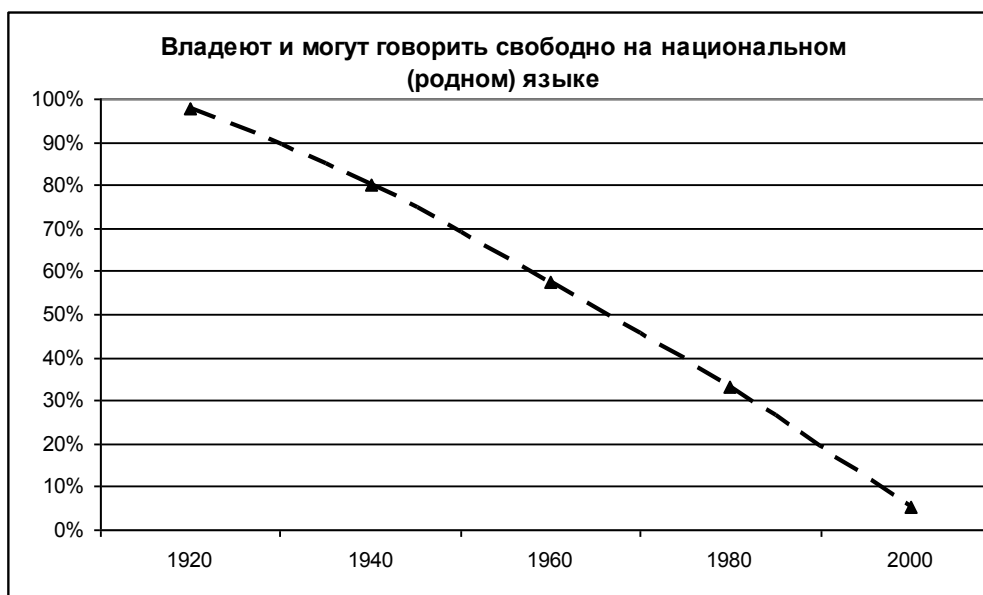

Рис. 30. Доля респондентов, их родителей и детей, владеющих национальным языком, в зависимости от года их рождения

Воспроизводство национального языка существенным образом зависит от намерений родителей учить (или не учить) своих детей говорить на данном языке. Без активной позиции родителей, за счет лишь обучения детей основам национального языка в школе, невозможно сохранить его как «живой» язык. Респондентам задавался вопрос, будут ли они учить своих детей говорить на национальном (родном) языке.

Таблица 2

**Доли респондентов, выбравших варианты ответа на вопрос:
«Будете ли вы учить своих детей говорить на национальном (родном) языке?»**

Пол, возраст, национальность	«Определенно да», % ответов	«Не знаю», % ответов	«Определенно нет», % ответов
20–39 лет	57,7	14,4	27,8
40–59 лет	55,3	13,2	31,6
60–80 лет	52,4	33,3	14,3
Эвенки	68,4	21,1	10,5
Селькупы	43,2	13,5	43,2
Кето	55,6	18,5	25,9
Чулымцы	37,5	7,5	55,0

Представленные в табл. 2 данные опроса показывают, что среди респондентов в возрасте 20–39 лет определенно будут учить детей национальному языку 57,7 %, возрасте 40–59 лет – 55,3 %, возрасте 60–80 лет – 52,4 %.

Наиболее велика доля родителей, которые намерены учить своих детей говорить на национальном (родном) языке, у эвенков – 68,4 %, и лишь 10,5 % эвенков решили определенно не учить детей национальному языку. Респонденты селькупы, кето, чулымцы реже намерены учить детей говорить на национальном языке (от 37,5 до 55,6 %); среди представителей этих народов существенно больше доля тех, кто «определенно не будет учить» (от 22,9 до 55 %). Таким образом, значительная часть селькупов, кето, чулымцев не видит перспективы сохранения национального языка. В особенности не видят перспективы чулымцы, 55 % которых определенно не намерены учить своих детей национальному языку.

Обращает на себя внимание тот факт, что намерения достаточно большой доли родителей обучить детей говорить на национальном (родном) языке не приводит к появлению столь же большой доли детей, свободно владеющих национальным языком (это видно при сопоставлении данных табл. 2 и табл. 1). По всей видимости, говоря о намерении научить детей говорить на национальном языке, респонденты имеют в виду то, что будут сообщать детям значения тех или иных слов, выучивать с ними распространенные речевые обороты. Но при этом, как правило, родители сами не используют родной язык для обсуждения личных, домашних дел – не создают ту речевую среду, в которой есть мотивация для овладения национальным языком, и его освоение происходит естественным образом. Говоря метафорически, дети «изучают родной язык, как иностранный» – через специальное заучивание слов, выражений, а не через погруженность в среду общения на данном языке. Если это предположение верно, то данный путь освоения не ведет к сохранению национального языка как «живого» языка, языка повседневной жизни.

4.2.2. Перспективы сохранения национальной культуры коренными малочисленными народами Севера Красноярского края

Для изучения «сохранности» культурных традиций респондентам предлагалось оценить, как много места занимают в их жизни и значат для них различные виды народных (национальных) традиций и занятий. Результаты опроса представлены в табл. 3, 4 и на рис. 31, эти данные позволяют оценить как степень причастности представителей коренных малочисленных народов к традициям собственных народов, так и сопоставить различные виды народных (национальных) традиций и занятий с точки зрения их включенности в жизнь людей, это дает возможность выделить в наибольшей степени сохраняющиеся виды культурной деятельности, которые могут служить «опорой» для культурной идентичности коренных малочисленных народов Севера в настоящее время.

Таблица 3

**Оценка значимости для респондентов различных видов народных
(национальных) традиций и занятий**

Народные традиции и занятия	Много, % ответов	Немного, % ответов	Нисколько, % ответов	Немного + нисколько, % ответов
Народные предания, легенды	30	30	40	70
Народные обычаи, обряды	32	29	39	68
Национальные традиции (жизни, поведения)	34	25	41	66
Национальные праздники	35	34	31	65
Народные песни, танцы	32	22	46	68
Национальная одежда	30	26	44	70
Народная медицина	33	30	37	67
Национальная кухня	44	34	22	56
Национальный характер	33	31	36	67
Народные игры, состязания, виды отдыха	28	32	40	72
Национальные виды занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло)	48	23	29	52
В среднем	34	29	37	66

Таблица 4

**Оценка значимости народных (национальных) традиций
и занятий респондентами различных возрастов**

Народные традиции и занятия	Много, % ответов			Немного, % ответов			Нисколько, % ответов		
	20–39 лет	40–59 лет	60–80 лет	20–39 лет	40–59 лет	60–80 лет	20–39 лет	40–59 лет	60–80 лет
Народные предания, легенды	19	43	43	38	23	13	43	35	43
Народные обычаи, обряды	22	43	52	37	22	9	41	35	39
Национальные традиции (жизни, поведения)	24	44	52	33	17	13	43	39	35
Национальные праздники	27	46	43	41	26	22	31	28	35
Народные песни, танцы	25	43	27	28	15	18	47	42	55
Национальная одежда	24	39	32	32	18	18	44	43	50
Народная медицина	26	40	30	33	28	9	41	32	61
Национальная кухня	28	46	35	35	32	26	36	23	39
Национальный характер	22	44	59	39	24	9	39	32	32
Народные игры, состязания, виды отдыха	20	35	38	43	22	14	37	43	48
Национальные виды занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло)	39	61	50	31	14	9	30	25	41
Среднее значение	25	44	42	35	22	15	39	34	43

Наиболее значимы для респондентов (много места занимают в жизни и много значат для них) следующие народные (национальные) традиции и виды занятий: национальная кухня – 44 % респондентов; национальные сельское хозяйство, охота, ремесло – 48 %. Последняя доля практически совпадает с суммарной долей респондентов, для которых национальное сельское хозяйство, охота, ремесло являются основным видом работы и которые заняты в них частично. Остальные формы культуры и виды деятельности много значат лишь для трети респондентов. Оценку «немного не значат» чаще всего получали следующие феномены национальной культуры: «народные песни, танцы» – 46 % респондентов и «национальная одежда» – 44 % респондентов. Для большинства респондентов национальные формы культуры и виды деятельности не являются значимыми: для 9 позиций списка из 11 сумма ответов «немного» и «немного не значат» превышает 64 %).

По всей видимости, традиционные виды деятельности и феномены культуры вытесняются мощными «конкурентами», принесенными индустриальной цивилизацией. Традиционное сельское хозяйство, охота, ремесло вытесняются работой на предприятиях, как более высокодоходной, экономически эффективной деятельностью. Средства народной медицины, национальная одежда вытесняются фабричной продукцией. Национальные предания, легенды, обычаи, песни, танцы, народные состязания и др. вытесняются «зрелищами» массовой культурой, которая проникает в жизнь народов севера через телевидение. Национальные праздники, традиции жизни и поведения замещаются общенародными, то есть характерными для «индустриализованного» населения, независимо от национальной принадлежности. Немаловажно, что доход и сохранение здоровья являются критически важными для выживания и благополучия человека и семьи, а работа на предприятии или научная медицина дают быстрый и ощутимый эффект, в отличие от традиционных хозяйственных занятий и народной медицины, ценность которых может подтвердиться лишь на больших временных и системных масштабах, поскольку связана с экологией человека, хозяйства, культуры.

Лидируют как сохраняющие значимость в жизни представителей северных народов национальные сельское хозяйство, охота, ремесло и национальная кухня. Это формы жизнеобеспечения, использующие местные ресурсы. Национальные промыслы в настоящее время мало эффективны как источник денежного дохода, но дают доход в виде натуральной продукции. Национальная кухня позволяет использовать местные продукты питания, уменьшая тем самым траты денег на питание.

Значимость различных видов народных (национальных) традиций и занятий для респондентов различных возрастов представлена в табл. 4 и диаграммой на рис. 31.

Менее всего значат народные традиции и занятия (в среднем) для респондентов возрастной группы от 20 до 39 лет – лишь 25 % из них выбирают вариант «много». Среди респондентов из возрастных групп 40–59 и 60–80 лет высокую значимость народных традиций и занятий отметили 44 и 42 % соответственно.

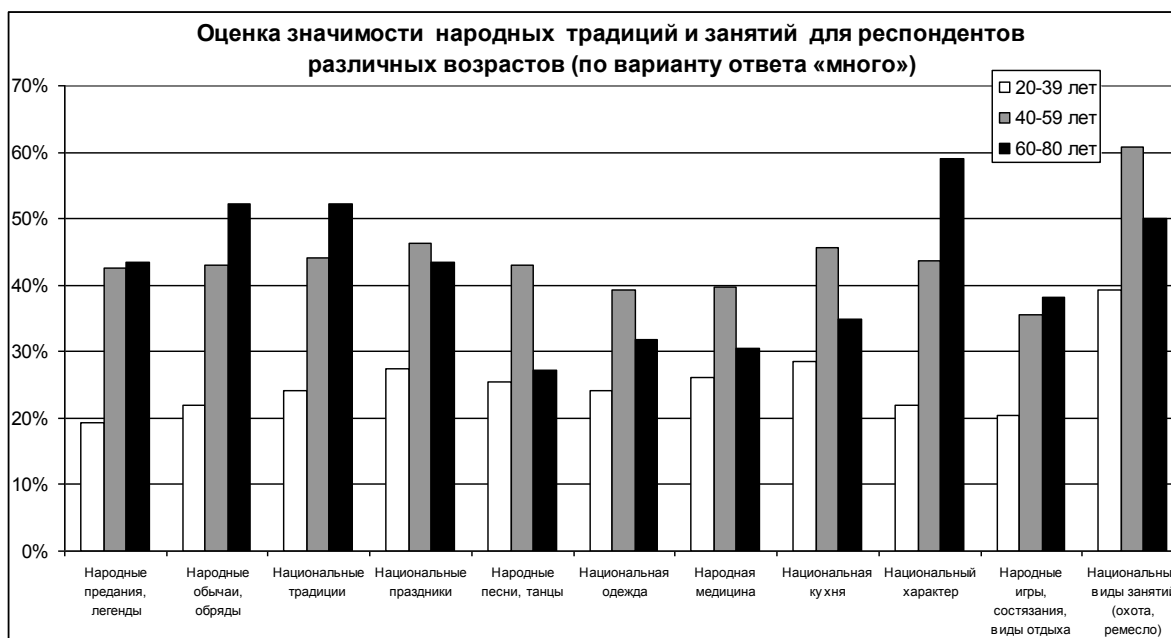

Рис. 31. Оценка значимости народных традиций и занятий респондентами различных возрастов (доля респондентов, выбравших вариант ответа «много значит»)

Наиболее предпочитаемыми в возрастных группах 20–39 и 40–59-летних являются национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло), которые отметили, как значащие много, соответственно, 39 % и 61 % респондентов.

Для респондентов самой старшей возрастной группы (60–80-летних) в число значимых народных традиций и занятий вошли: «национальный характер» – 59 % респондентов ответили «много значат»; «народные обычаи, обряды» – 52 %; «национальные традиции (жизни, поведения)» – 52 %; «национальные виды занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло)» – 50 %.

Для респондентов возрастной группы 20–39 лет сохраняют определенную значимость (много значат для 28–39 % респондентов) прагматически ценные аспекты национальной культуры) – национальное сельское хозяйство, охота, ремесло, а также национальная кухня. Сравнительно низкую значимость имеют («много значат» для 19–25 % респондентов, «нисколько не значат» для 43–47 %) народные песни, танцы, национальная одежда, народные предания, традиции жизни и поведения. По-видимому, эти аспекты народной культуры воспринимаются как «декоративные»,

не несущие прагматического смысла, а также и какого-то иного смысла. Довольно часто респонденты данного возраста дают ответ «немного значит» (в среднем более трети ответов) – молодежь не склонна совершенно отвергать национальную культуру, все же проявляя к ней умеренный интерес.

Существенно иным образом относится к национальной культуре возрастная группа 40–59-летних. Почти по всем позициям представители этой группы чаще всего выбирают ответ «много значит». Особенно значимы национальные виды хозяйственных занятий – сельское хозяйство, охота, ремесло (много значат для более 60 % респондентов). По-видимому, это объясняется ролью «кормильцев семьи», характерной для 40–59-летних. Обратим внимание, что почти по всем оцениваемым вариантам эта возрастная группа более часто выбирает ответы «много значит» и «немного не значит», реже выбирая ответ «значит немного». Можно сказать, что люди этой группы, будучи ответственными за благополучие своих семей, в отличие от молодежи четко определяют и выбирают, останутся ли они приверженцами национальной культуры, либо примкнут к привнесенной культуре индустриальной цивилизации.

Возрастная группа 60–80-летних не только сделала выбор в пользу или против приверженности национальным традициям (по всем позициям преобладают либо оценки «много значит», либо оценки «немного не значат», в то время как оценки «значат немного» дают в среднем лишь 15 % респондентов); кроме этого, представители данной группы еще и выбрали, каким аспектам национальной культуры они сохраняют приверженность и от каких откажутся. Национальные традиции жизни, поведения, национальный характер, то есть социально-психологическое измерение культуры, много значат для данной группы. В то же время, народные песни, танцы, национальная одежда, народные игры и состязания, как правило, «немного не значат». В особенности «отверженной» оказывается народная медицина, очевидно, не выдержавшая конкуренции с научной медициной.

В целом можно сделать вывод, что «ядром» коренных малочисленных народов Красноярского края, носителями национальных традиций и национальных видов культурных и хозяйственных занятий являются люди 40–59 лет. Именно эта группа дает высокий процент ответов «много значит» (относительно традиций) – более 40 % почти по всем позициям списка (не считая двух – национальной одежды; народных игр, состязаний и видов отдыха). Эта группа реже других отвергает национальные традиции, оценивая их как «немного не значащие» в жизни.

Старшая группа (60–80-летних) дает среди сравниваемых возрастных групп наибольшую долю ответов «немного не значат». По-видимому, люди старше 60 лет уже не обладают достаточной жизненной энергетикой, нагружены проблемами здоровья и слишком зависят от социальных пособий пришедшей цивилизации, чтобы быть приверженцами традиционных

видов деятельности. Немаловажным фактором может оказаться сравнительная малочисленность данной возрастной группы не только в выборке опроса, но и в популяции; для поддержания же народной традиции в ее актуальном, «живом» виде (например, национальных праздников, народных танцев и песен, национальных обычаев поведения) может оказаться необходимой группа сверстников.

Таким образом, «ресурсом сохранения этноса» является возрастная группа 40–59-летних. Это люди, сохранившие достаточно жизненной энергии и здоровья, но менее (по сравнению с молодежью) захваченные привнесенной культурой и образом жизни.

Молодые люди (20–39-лет) являются наименее определившейся группой относительно значимости народных традиций и традиционных видов занятий. Они чаще, чем другие респонденты, выбирают промежуточный вариант «немного значит», что указывает на определенный «резерв интереса» молодых к национальной культуре, который можно актуализировать.

Для проведения сопоставительного полуколичественного анализа ценности народных традиций и занятий для представителей различных этносов – эвенков, селькупов, кето, чулымцев – был введен специальный «индекс ценности традиций».

При расчете значений индекса качественные высказывания респондентов (много, мало, несколько) переводились в количественную форму: «несколько» – 1 балл; «немного» – 2 балла; «много» – 3 балла. Значение индекса ценности традиций может быть характеристикой конкретного респондента, его приверженности или отказа от национальной культуры: для каждого респондента индекс вычислялся как среднее значение баллов по всем его ответам на данный вопрос. Также значение индекса может быть характеристикой сохранности или утраты какого-либо вида традиционной деятельности: для каждого вида традиций рассчитывался средний балл ответов всех респондентов.

Для сравнения «ценности» (значимости для респондентов) различных видов деятельности были определены следующие интервалы значений: индекс ценности традиций лежит в интервале (1,0–1,49) – «утрачена ценность», (1,5–1,99) – «низкая ценность», (2,0–2,49) – «средняя ценность», (2,5–3,0) – «высокая ценность». В табл. 5 приведены индексы, рассчитанные для различных традиционных видов деятельности, как на основе ответов всех участвовавших в опросе респондентов, так и отдельно для различных этносов – эвенков, селькупов, кето, чулымцев.

Анализ данных показывает, что большинство значений индекса ценности традиций находятся в диапазоне от 1,5 до 2,0 баллов, что соответствует уровню «низкая ценность» (см. табл. 5). Более высокую оценку – уровень «средняя ценность» от 2,0 до 2,5 баллов – по ответам всех респондентов получили варианты: «национальные праздники» – 2,05 балла; «нацио-

нальная кухня» – 2,07 балла; «национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло)» – 2,19 балла.

Таблица 5

Индекс ценности традиций для представителей различных этносов

Народные традиции и занятия	Все	Эвенки	Селькупы	Кето	Чулымцы
Народные предания, легенды	1,90	2,25	1,63	1,70	1,76
Народные обычаи, обряды	1,94	2,40	1,57	1,71	1,67
Национальные традиции (жизни, поведения)	1,93	2,35	1,59	1,75	1,62
Национальные праздники	2,05	2,46	1,48	1,73	2,25
Народные песни, танцы	1,86	2,37	1,40	1,60	1,64
Национальная одежда	1,86	2,36	1,30	1,66	1,64
Народная медицина	1,96	2,20	1,80	1,87	1,72
Национальная кухня	2,07	2,42	1,90	1,94	1,72
Национальный характер	1,97	2,29	1,70	1,83	1,80
Народные игры, состязания, виды отдыха	1,88	2,25	1,48	1,71	1,72
Национальные виды занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло)	2,19	2,41	1,53	1,96	2,68
Среднее значение	1,96	2,34	1,58	1,77	1,84

Сопоставление этносов показывает, что в наибольшей степени «дистанцированы» от традиционной народной культуры участвовавшие в опросе представители селькупов и кето – значения индекса по всем видам народных традиций и занятий оказываются ниже 2,0 баллов. В большей степени сохраняют связи с традиционной культурой эвенки – среднее значение индекса ценности традиций составляет 2,34.

Наиболее низкие оценки, соответствующие уровню «утрачена ценность», были зафиксированы для селькупов: «национальная одежда» – 1,30 балла; «народные песни, танцы» – 1,40 балла; «национальные праздники» – 1,48 балла; «народные игры, состязания, виды отдыха» – 1,48 балла.

Представители народа чулымцев сохраняют интерес к двум элементам традиционной культуры: национальным праздникам – 2,25 балла, национальным видам хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло) – 2,68 балла. В целом же характерна низкая значимость народных традиций для респондентов – не более 1,8 балла.

Для эвенков все оцененные аспекты культуры сохраняют значимость (значения индекса не менее 2,2); при этом наиболее значимы «народные обычаи, обряды» – 2,40 балла; «национальные праздники» – 2,46 балла; «национальная кухня» – 2,42 балла; «национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло)» – 2,41 балла.

Таким образом, наиболее многочисленный из коренных народов Севера Красноярского края – эвенки – сохраняет ценность традиций по крайней мере на среднем уровне. Народы с меньшей численностью – селькупы, кето, чулымцы – не могут сохранить приверженность традициям. В особенности утрачивается ценность традиций народом селькупы, численность которых на территории Красноярского края составляет всего 0,4 тыс. чел. Возможно, очень низкие значения индекса ценности традиций, определенные на основе данных опроса для селькупов, также связаны с более высокой долей (по сравнению с другими этносами) молодежи среди респондентов-селькупов.

В табл. 6 представлено распределение респондентов по значению индекса ценности традиций. Большая наполненность двух крайних групп – с высокой ценностью традиций и с утраченной ценностью традиций – связана с тем, что в данном случае подсчет был проведен по всей выборке, при этом включенные в выборку эвенки сохраняют, в среднем, приверженность народным традициям (среднее значение индекса 2,34), а селькупы, в среднем, в малой степени обращаются к народным традициям (среднее значение индекса 1,58).

Таблица 6

Распределение ответов респондентов по значению индекса ценности традиций, в соотнесении с занятостью в традиционном хозяйстве (ответами вопрос: «Заняты ли вы в традиционных видах хозяйства?»)

Индекс ценности традиций	Доля, %			«Это моя основная работа» (% ответов)	«Занят частично» (% ответов)	«Иногда в свободное время, не занят» (% ответов)
	Муж.	Жен.	Всего			
1,0–1,49 (утрачена)	37,9	28,0	33,5	16,7	2,6	80,8
1,5–1,99 (низкая)	12,1	16,8	14,2	33,3	24,2	42,4
2,0–2,49 (средняя)	22,0	22,4	22,2	28,8	19,2	51,9
2,5–3,00 (высокая)	28,0	32,7	30,1	39,4	14,1	46,5

Данные табл. 6 показывают, что респонденты, включенные по значению индекса в группу «ценность традиций утрачена», в подавляющем большинстве не заняты в традиционных видах хозяйства (80,8 %). В группе респондентов, для которых высока ценность традиций, наиболее велика (по сравнению с группами, где ценность традиций средняя, низкая или утрачена) доля тех, кто занят в традиционных видах хозяйства, причем это их основная работа. Таким образом, есть соответствие между включенностью в традиционное хозяйство и сохранением народных традиций, народной культуры. Это соответствие не является «прямолинейным», и среди респондентов с высокой ценностью традиций много тех, кто с традиционными видами хозяйства не связан (46,5 %, при-

чем высокая доля объясняется также высокой долей «не занятых в традиционном хозяйстве» в выборке в целом).

Ранее уже были показаны данные о намерениях представителей КМНС обучать своих детей говорить на языке своего народа. После расчета значений индекса ценности традиция появляется возможность сопоставить доли респондентов, намеренных или не намеренных обучать детей говорить на национальном языке в группах, выделенных по значению индекса (табл. 7).

Таблица 7

Намерение респондентов учить своих детей говорить на национальном (родном) языке, в зависимости от сохранения значимости традиций

Индекс ценности традиций	«Определенно да», % ответов	«Не знаю», % ответов	«Определенно нет», % ответов
1,0–1,49 (утрачена)	29,6	21,1	49,3
1,5–1,99 (низкая)	54,8	12,9	32,3
2,0–2,49 (средняя)	66,0	19,1	14,9
2,5–3,00 (высокая)	69,2	7,7	23,1

Из табл. 7 следует, что среди респондентов с утраченной ценностью традиций (значения индекса в диапазоне 1,0–1,49) определенно будут учить детей родному языку всего 29,6 % респондентов; среди респондентов с низкой ценностью традиций (1,5–1,99) определенно будут учить детей родному языку 54,8 %; среди респондентов со средней ценностью традиций (2,0–2,49) определенно будут учить детей родному языку 66 %; среди респондентов с высокой ценностью традиций определенно будут учить детей родному языку 69,2 % респондентов. Доля не определившихся респондентов и тех, кто определенно не будет учить детей говорить на национальном языке, наиболее велика в группе с утраченной ценностью традиций.

Для изучения уровня осознанной готовности сохранять традиционную культуру и соответствующие нормы жизни респондентам задавался следующий вопрос: «Стремитесь ли Вы сохранить в себе, в своей жизни черты национального характера, национальной культуры?», допускающий несколько вариантов ответов (табл. 8).

Сознательные установки на сохранение национального характера, национальной культуры наиболее характерны для эвенков – 62 % респондентов определенно стремятся сохранить их в своей жизни, а 18 % «скорее стремятся». В сумме это 80 % – подавляющее большинство респондентов. Среди эвенков малы доли тех, кто в этом отношении не определился (10 %) или не стремится сохранить национальную культуру как часть своей жизни (10 %).

**Структура ответов респондентов о стремлении сохранять
национальный характер, национальную культуру**

Респонденты	«Определенно да», % ответов	«Скорее да», % ответов	«Не знаю», % ответов	«Скорее нет», % ответов	«Определенно нет», % ответов
Все	40	20	17	16	7
Эвенки	62	18	10	5	5
Селькупы	21	25	23	22	10
Кето	33	19	15	26	7
Чулымцы	39	15	22	17	7

Селькупы, кето, чулымцы в меньшей степени стремятся сохранять черты национальной культуры и национального характера: вариант «определенно да» выбрали от 21 % до 39 % респондентов, вариант «скорее да» от 15 % до 25 % респондентов. В сумме это от 46 % до 54 %. Существенно выше, по сравнению с эвенками, доля тех, кто не определился – от 15 % до 23 %. Довольно велика доля тех, кто не стремится сохранять черты национальной культуры и национального характера, суммарная доля ответов «скорее нет» и «определенно нет» составляет от 24 % до 33 %.

Для всех народов мала доля тех, кто определенно не намерен сохранять присутствие национальной культуры, черт национального характера в своей жизни – от 5 % до 10 % респондентов.

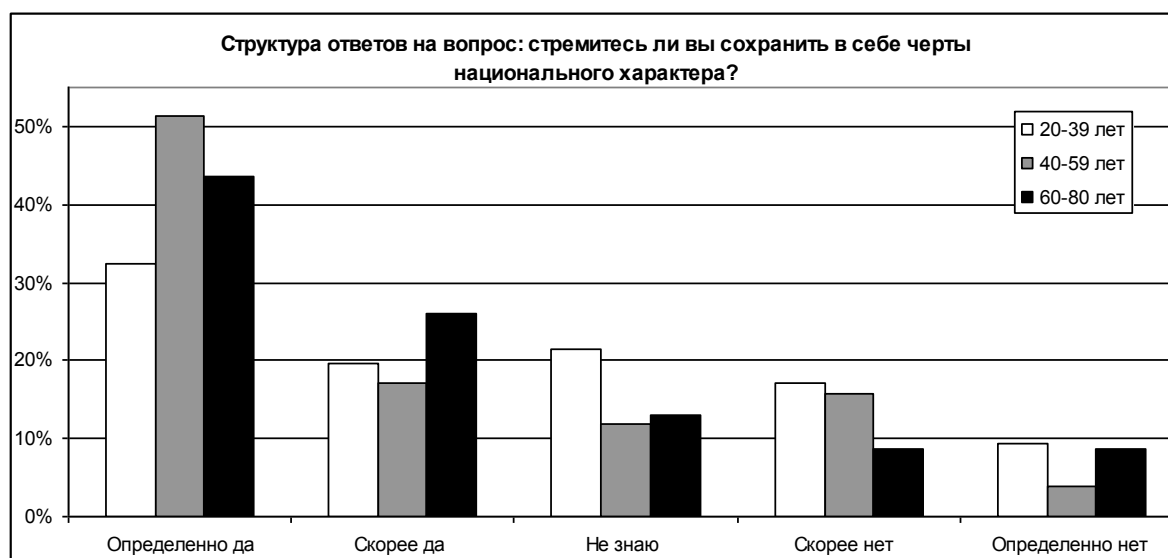

Рис. 32. Стремление респондентов различных возрастных групп сохранять в себе черты национального характера, национальной культуры

Диаграмма на рис. 32 позволяет сопоставить распределения ответов на данный вопрос респондентов, относящихся к разным возрастным группам.

Лидирует в стремлении сохранить в себе, в своей жизни черты национального характера, национальной культуры возрастная группа 40–59-летних – в этой группе максимальна доля тех, кто отвечает «определенно да». Молодежь в меньшинстве среди тех, кто выбирает ответ «определенно да», но преобладает среди тех, кто не определил свое отношение к задаче сохранить национальную культуру (ответы «не знаю»), а также среди тех, кто отвергает национальную культуру (ответы «скорее нет», «определенно нет»).

Выводы

1. Перспективы развития циркумполярных территорий должны рассматриваться не только в логике экономической рациональности, но также и в логике развития, ориентированного на социальные, гуманитарные и культурные ценности, рост человеческого капитала и качества жизни. Сохранение этносов, их языков и культур – более широкая смысловая рамка, более значимая в ценностной иерархии цель, в сравнении с целями наращивания производств и сокращения издержек.

Историческая ретроспектива и перспектива существования России прочно связана с «обживанием» обширных северных и сибирских территорий; данная рамка должна определять ориентиры и приоритеты экономической, социальной и культурной политики в стране. В начале третьего тысячелетия, в контексте процессов глобализации проявилась ценность культурного разнообразия как специфического «ресурса», позволяющего многонациональным нациям занимать место лидеров в глобальном экономическом и культурном пространстве, значимость национальных культур как условия благополучного существования народов в виде цепи сменяющих друг друга поколений.

2. Коренные народы Севера в ближайшем будущем подвергнутся воздействию трех «волн» иноцивилизационного давления: волна новой индустриализации, модернизационная волна, волна культурной экспансии глобальных субъектов. Это волны воздействия изменяют экологические условия жизни коренных народов, характер их трудовой деятельности, усиливают внутренние миграции, увеличат культурно-психологическую дистанцию между поколениями. Возрастут темпы утраты коренными народами их языков и культуры. Ряд проведенных ранее разными авторами исследований показывает, что среди молодежи, представителей малочисленных народов, лишь меньшинство свободно владеет национальным языком и сохраняет интерес к народной культуре.

3. В данном исследовании предлагается модель воспроизводства коренных этносов в современной ситуации, когда этнос «открыт» масштабным ино-культурным и ино-цивилизационным влияниям. Модель включа-

ет важнейшие процессы: 1) демографического воспроизводства; 2) воспроизводства форм хозяйствования, технологий (хозяйственно-экономической основы существования этноса); 3) воспроизводства общественных отношений и социальных институтов; 4) воспроизводства духовной культуры – ценностей, норм, традиций, ментальности, этнической картины мира. Эти процессы изменяются под воздействием трех «волн» – новой индустриализации, модернизации (приносящей на северные территории постиндустриальные виды деятельности, технологии и формы коммуникаций), распространения культуры глобальных субъектов («западная цивилизационная волна»).

4. Наиболее многочисленные народы Севера, например, народ саха (якуты) фактически включены и в традиционный, и в индустриальный, и в постиндустриальный уклады, при этом они сохраняют (хотя и с определенными потерями) национальный язык, национальную культуру. Таким образом, этнос становится многоукладной системой: многоукладно не только хозяйство, но и быт (повседневная жизнь), формы социальности и общения. Возможна проектная установка на освоение этносом различных укладов, их «реконструкцию» этносом на собственной культурной основе. Такая установка означает переход от консервативных и «защитных» стратегий к позиционированию коренных народов в качестве полноправных участников современных процессов экономического, технологического, социального, культурного развития на циркумполярных территориях.

5. Проведенное социологическое исследование – опрос представителей коренных народов Республики Саха (Якутия) и севера Красноярского края – обнаруживает две существенно различающиеся ситуации воспроизводства языков и культуры коренных народов Севера. На одном полюсе находится ситуация народа саха, сохранению языка которого способствуют многочисленность народа, институт национальной республики, системы учреждений культуры и образования; на другом – ситуация коренных малочисленных народов севера Красноярского края, численность которых мала, а надлокальные институты сохранения языка и культуры развиты слабо.

6. Картина сохранения языка народом саха выглядит благополучной, подавляющее большинство респондентов считают якутский язык родным, свободно им владеют, используют якутский язык как средство повседневного общения.

Более детальный анализ ответов респондентов различных возрастных групп показывает, что среди молодых респондентов (до 30 лет) заметно меньше (в сравнении с саха в возрасте 50 лет и старше) тех, кто свободно владеет якутским языком, использует якутский язык в повседневной жизни, предпочитает думать на якутском языке, определенно намерен учить своих детей говорить на якутском языке; существенно меньше (в разы) тех, кто часто читает газеты, журналы, художественную литературу на якутском языке, смотрит телевизионные передачи на якутском языке.

Сравнение ответов респондентов об использовании якутского языка ими самими, их родителями и детьми показывает, что в каждом последующем поколении саха использует родной язык в повседневной жизни на 10–20 % меньше людей, чем в предыдущем поколении.

Таким образом, благополучная ситуация воспроизводства якутского языка останется в прошлом через 20 лет, когда сегодняшние 20–30-летние станут 40–50-летними, а молодежью станут их дети. Если существующие тренды не изменятся благодаря специальной культурной политике и соответствующим культурным и образовательным практикам, то через 20 лет, за счет смены поколений, возникнет «другое» якутское общество, в котором лишь меньшинство представителей саха будет активно использовать якутский язык в личной и общественной жизни и передавать его поколению своих детей.

7. Исследование (опрос) представителей коренных малочисленных народов севера Красноярского края показывает, что их языки высокими темпами вытесняются русским языком. Каждые 20 лет доля владеющих и свободно говорящих на национальном языке уменьшалась на 18–28 %. В наибольшей степени ориентированы на сохранение национального языка эвенки, среди опрошенных 68 % определенно намерены учить своих детей говорить на национальном языке и лишь 10 % определенно не намерены. Народы с меньшей численностью (селькупы, кето, чулымцы) утрачивают национальные языки – от 25 до 55 % респондентов не видят перспективы сохранения родного языка и определенно не намерены обучать своих детей говорить на этом языке.

8. На основе данных опроса определены некоторые особенности сохранения национальной культуры народом саха (якутами).

Выявлены элементы культуры, к которым наиболее часто обращаются в своей жизни саха, это национальные праздники, народные обычаи и обряды, национальная кухня. В меньшей степени сохраняются, как присутствующие в жизни людей, национальные традиции, виды хозяйственных занятий, народные предания, легенды, песни, танцы, народные игры, состязания и виды спорта. Сравнительно редко саха обращаются к таким аспектам культуры, как национальная одежда, народная медицина, национальный характер.

Элементами культуры, включенными в жизнь всех возрастных групп, являются национальные праздники и национальная кухня, они являются связующей нитью для поколений, привлекая всех, от самых юных до пожилых. Есть риск утраты при смене поколений народных обычаев, обрядов, национальных традиций жизни, поведения, так как эти аспекты национальной культуры привлекают молодежь заметно реже, чем людей среднего и старшего возраста. Может возникнуть ситуация, когда данный «пласт» народной культуры сохраняется лишь в «музейно-этнографической» форме, не актуализируется в качестве живой культуры нового поколения людей.

9. При анализе данных опроса представителей саха рассчитывался «индекс ценности традиций» как индикатор того, как много места занимают в жизни респондентов и насколько значимы для них разные элементы национальной культуры; в зависимости от значения индекса часть респондентов отнесена к «утратившим связь с культурой этноса», другая часть – к «поддерживающим жизнь этноса». Обнаружена зависимость: чем моложе респонденты, тем меньше среди них «поддерживающих жизнь этноса», то есть тех, в чьей жизни национальная культура занимает большое место (среди 20–29-летних – лишь четверть).

Позитивным аспектом ситуации является преобладание среди молодых людей представителей «промежуточного типа», тех, кто все же проявляет умеренный интерес к национальной культуре. За счет специально проводимой культурной политики этот интерес может быть актуализирован, на его основе могут быть развернуты различные формы культурной активности.

10. Ситуация воспроизводства культуры коренных малочисленных народов Красноярского края (эвенков, кето, селькупов, чулымцев) отличается от ситуации народа саха. Главное отличие: большая доля респондентов, отнесенных к категории «утративших связь с культурой этноса» – не менее одной трети (в сравнении с 7 % среди саха).

Для представителей КМНС больше всего значат, по данным опроса, национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло) и национальная кухня; это формы жизнеобеспечения, использующие местные ресурсы. В значительной степени утрачены народные предания, легенды, национальные традиции жизни и поведения, народные песни и танцы, национальная одежда, народные игры, состязания и виды отдыха – «нисколько не значат» для 40 % и более респондентов.

В наибольшей степени «дистанцированы» от традиционной народной культуры участвовавшие в опросе представители селькупов и кето – самых малочисленных народов, из участвовавших в исследовании; в большей степени сохраняют связи с традиционной культурой эвенки, наиболее многочисленный из коренных народов севера Красноярского края.

11. Результаты исследования позволяют обсуждать воздействие индустриальной и постиндустриальной цивилизации на ситуацию сохранения языков и культуры коренных народов на примере народа саха.

По ряду параметров группы респондентов, включенных в традиционный, индустриальный и постиндустриальный (сервисный и когнитивный) уклады практически не различаются. Например, данные группы очень близки по определению родного для респондентов языка, степени владения якутским языком, по намерениям учить своих детей говорить на якутском языке, планам относительно своего места жительства. Обнаруживаемые при этом различия в распределениях ответов невелики и оказываются значительно меньше, чем

различия распределений ответов респондентов разных возрастов. Включенность в уклад в данном исследовании определялась по сфере трудовой деятельности респондента. По-видимому, «постиндустриальная цивилизационная волна» захватывает в первую очередь молодежь саха через распространение новых потоков информации и форматов коммуникации (в первую очередь Интернета), новых видов досуга и стилей жизни, при этом сфера трудовой деятельности оказывается второстепенным фактором формирования ценностей, приоритетов, культурных ориентиров и жизненных предпочтений.

По другим параметрам (использование якутского языка в повседневной жизни, сохранение различных аспектов народной культуры, субъективные установки на сохранение традиционной культуры) группы респондентов, включенных в разные уклады, различаются. Данные опроса показывают, на наш взгляд, что наиболее благоприятными для сохранения языка и культуры народа саха являются традиционный и когнитивный уклад; наименее благоприятен индустриальный уклад; довольно «проблемной» группой являются включенные в сервисный уклад.

Возможно, наиболее продуктивная стратегия развития народа саха, с точки зрения сохранения языка и культуры: сохранение определенной доли населения, занятой в традиционном укладе, переход молодежи в когнитивный уклад; при этом «избегание» включенности саха в индустриальный уклад – индустриальные производства могут быть обеспечены трудовыми ресурсами за счет постоянного населения и трудовых мигрантов, относящихся к другим этносам.

12. Необходима особая культурная политика, направленная на сохранение языков и культуры коренных народов северных территорий Российской Федерации.

Реалии происходящих процессов таковы, что в отношении наиболее малочисленных коренных народов необходима «консервация» языков и культуры – фиксация, усилиями лингвистов и этнографов, словарей, произведений устного творчества, различных артефактов культуры и т. д.

В отношении языков и культуры сравнительно многочисленных народов (например, народа саха) необходима развернуть, системную культурную политику, предполагающую, с одной стороны, сохранение традиционных форм хозяйства, с другой стороны – развитие различных надлокальных институтов воспроизводства языка и культуры (СМИ, система учреждений образования и культуры, общественные организации, «представление» национальной культуры в Интернете, сетевых сообществах и т. д.).

Отдельной задачей является выделение «ядра культуры» народа саха – важнейших ценностей, «ментальных доминант», картины мира – и выстраивание культурной политики, в результате которой это «культурное ядро» может быть сохранено и развито при освоении народом современных укладов экономики и жизни (сервисный и когнитивный уклады).

Представляется важной идея «содружества северных народов» – создания надэтнической общности северных народов, закреплённой в необходимых политических и общественных институтах. В рамках такой общности коренные малочисленные народы Севера, «выживание» которых по отдельности в силу их малочисленности проблематично, могут сохранять базовые, общие для них черты образа жизни, ценности, картину мира. «Содружество северных народов» могло бы стать субъектом, участвующим в разработке стратегий освоения природных ресурсов северных территорий РФ, настаивающим на распределении природной ренты с учетом интересов северных народов, на принятии необходимых норм природопользования, на соблюдении экологических норм деятельности промышленных компаний.

Список литературы

1. Брагина, Д. Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07 / Брагина Дарья Григорьевна. – Новосибирск, 2003. – 333 с.

2. Васильева, М. И. Этническая идентичность современных якутов : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Васильева Майя Ивановна. – Улан-Удэ, 2001. – 167 с.

3. Винокурова, У. А. Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации / У. А. Винокурова. – Новосибирск : Наука, 1992. – 144 с.

4. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии : принята Ген. конф. Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры 2 нояб. 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml

5. Ефимов, В. С. Динамика диссипации культуры малых этносов (на примере коренных малочисленных народов Севера Красноярского края) : докл. Центра стратегических исследований и разработок / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2011. – 26 с.

6. Ефимов, В. С. Форсайт Республики Саха (Якутия): концепция и базовые модели проекта / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева // Вестн. НГУЭУ. № 1. – Новосибирск, 2012. – С. 105–123.

7. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция 169) : принята 76-й сессией Ген. конф. Международной организации труда 27 июня 1989 г. : вступ. в силу: 5 сент. 1991 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://un.by/documents/humrights/employment/emptx4.html>

8. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : утв. Рас-

поряжением Правительства РФ от 4 февр. 2009 г. № 132-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_148039.html

9. Максимов, А. А. Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного развития : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Максимов Александр Анатольевич. – Сыктывкар, 2007. – 140 с.

10. Монтвиллов, В. М. Интернет и языковое многообразие: возможно ли это? / В. М. Монтвиллов // Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве : сб. материалов междунар. конф., Якутск, 2–4 июля 2008 г. / сост. : Е. И. Кузьмин, Е. В. Плыс. – М. : МЦБС, 2010. – С. 69–81.

11. Мурадова, А. Р. Как исчезают языки и как их возрождают / А. Р. Мурадова // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт : сб. аналит. материалов / сост.: Е. И. Кузьмин, Е. В. Плыс. – М. : МЦБС, 2008. – С. 70–75.

12. Новиков, А. Г. Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации : монография / А. Г. Новиков, А. Г. Пудов. – Якутск : Изд-во Якут. ун-та, 2005. – 178 с.

13. Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050: Концепция проекта и карта работ / ред. : Е. И. Михайлова, В. С. Ефимов. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т ; Якутск : Сев.-Вост. федер. ун-т им. М. К. Аммосова, 2012. – 60 с.

П. М. Вчерашний⁵⁷
Н. Г. Типенко⁵⁸

РАЗВИТИЕ РЕСУРСНЫХ РЕГИОНОВ – ЛУЧШИЕ МИРОВЫЕ ПРАКТИКИ: ОПЫТ США, НОРВЕГИИ, КАНАДЫ И АВСТРАЛИИ

Введение. Общие понятия

Для формирования рентных доходов применяют дифференцированные рентные платежи, роялти, специальные налоги на прибыль добывающих компаний и т. д. Помимо этого рентные доходы перераспределяться в

⁵⁷ Вчерашний Павел Михайлович, кандидат экономических наук, первый проректор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

⁵⁸ Типенко Наталия Георгиевна, кандидат экономических наук, директор ООО «Центр универсальных программ» (Москва, Россия).

CONTENTS

INTRODUCTION.....	5
<i>Uss A. V.</i> PROSPECTS OF SIBERIA IN THE MODERN WORLD: QUESTIONS FOR DISCUSSION.....	5
SIBERIA IN A GLOBAL PERSPECTIVE.....	10
<i>Inozemtsev V. L.</i> SIBERIA: FROM DEPENDENT TERRITORY TO NEW HORIZONS.....	10
<i>Vaganov E. A., Shvidenko A. Z.</i> ASSESSMENT OF THE SIBERIAN REGIONS CONTRIBUTION IN GLOBAL ECOLOGICAL BALANCE (as exemplified in the contribution of Siberian forests in the carbon cycle).....	39
<i>Efimov V. S., Lapteva A. V.</i> FUTURE OF CIRCUMPOLAR TERRITORIES: REPRODUCTION NORTHERN ETHNOSES.....	49
<i>Vcherashniy P. M., Tipenko N. G.</i> RESOURCE AREAS DEVELOPMENT – THE BEST WORLD PRACTICE: THE USA, NORWAY, CANADA AND AUSTRALIA EXPERIENCE.....	107
<i>Korzhubayev A. G.</i> COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA: PRACTICE, PROSPECTS, RISKS.....	176
COMPREHENSIVE EXPLOITATION OF SIBERIA.....	190
<i>Kryukov V. A., Nefedkin V. I., Semykina I. V.</i> IN WHAT DIRECTION IS CHANGING THE VECTOR OF SIBERIA MACROREGION ECONOMIC DEVELOPMENT?.....	190
<i>Efimov V. S., Efimov A. V.</i> MACROREGION SIBERIA IN POST-SOVIET RUSSIA: ANALYSIS OF SOCIO-ECONOMIC INDICATORS.....	248
<i>Bukharova E. B.</i> STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF SIBERIA IN THE CURRENT REALITIES OF FEDERALISM: PROBLEMS AND MECHANISMS.....	291
PROSPECTS FOR SIBERIAN MACROREGION: NEW SOLUTIONS AND INSTITUTIONS OF DEVELOPMENT.....	304
<i>Kryukov V. A., Tokarev A. N., Shmat V. V.</i> THE FUTURE OF SIBERIA: RATIONAL MANAGEMENT OF POTENTIAL NATURAL RESOURCE.....	304
<i>Seliverstov V. E.</i> SIBERIA AND REGIONS IN ECONOMIC SPACE RUSSIA: POSITION AND PROSPECTS, INSTITUTIONAL ARRANGEMENTS.....	315
<i>Zubarevich N. V.</i> REGIONAL AND SOCIAL POLICY IN RUSSIA: «MARRIAGE OF CONVENIENCE».....	349
<i>Shishatskiy N. G.</i> INVESTMENT AS A MECHANISM FOR DEVELOPMENT OF SIBERIA.....	362
ABOUT THE AUTHORS.....	383

Научное издание

**Усс Александр Викторович, Иноземцев Владислав Леонидович,
Ваганов Евгений Александрович и др.**

**МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Редакторы:

*Н. А. Варфоломеева, Т. А. Загидулина, Э. А. Королькова,
Т. М. Пыжик, Л. Г. Семухина, Т. И. Тайгина*

Технический редактор *А. А. Гетьман*

Компьютерная верстка: *Н. Г. Дербенёва*

Подписано в печать 07.02.2013. Печать плоская. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,75. Тираж 500 экз. Заказ № 0319

Издательский центр

Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел./факс (391) 206-21-49, e-mail: rio@lan.krasu.ru

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел./факс (391) 206-26-67, 206-26-49
E-mail: print_sfu@mail.ru; <http://lib.sfu-kras.ru>